

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

8
2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 8 (60) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использован фрагмент картины Стефана Бакаловича «Суд в Древнем Риме».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Акимова И.Ю., Марчукайтис А.С., Брусенцов А.А., Филатов П.В., Калашникова У.С. Административные наказания в Российской Федерации: эволюция, зарубежный опыт и несостоявшаяся реформа	1
Дзусов Р.С. Проблема вредности оскорбления (часть 1 статьи 5.61 КоАП РФ) и соразмерности предусмотренного законом наказания для граждан	5

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Чабанова А.Ю., Кравченко К.А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики	11
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Акимова И.Ю., Чабанова А.Ю., Мурашова Е.К., Твердохлебов А.А. Представительство и недействительность сделок в гражданском праве и процессе: доктринальные и правоприменительные аспекты взаимовлияния	14
Гандембул А.И. Предприятие как имущественный комплекс в предмете договора продажи предприятия: особенности правового регулирования и правоприменительной практики	17
Пруцев В.Ю. Сравнение правового регулирования вопросов самовольного строительства в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия	20
Романова А.М. Права и обязанности сторон по договору возмездного оказания консультационных услуг	23
Усачева Д.В. Проблемы наследования криптовалюты в Российской Федерации	25

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Чудайкина Н.А. Защита трудовых прав работников при возложении на них обязанностей по ведению воинского учета	27
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Куликов Д.В. Проблемы признания юридического лица субъектом преступления	30
--	----

Мустафина А.А. Проблемы определения специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 172.4 УК РФ	34
Шевлякова Е.П. Трасология в XXI веке: новые горизонты научной самостоятельности	36
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА	
Егоров Д.Н. Уголовная ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации, совершенное с использованием информационных технологий	38
Турченко Е.Ю., Пирожников А.С. Заблуждения участников экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса	40
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ	
Менщикова К.Д. Оказание медицинской помощи осужденным к лишению свободы в Российской Федерации	43
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Хартанович В.А. Расторжение договора международной купли-продажи товаров: основания и особенности данного средства правовой защиты сторон сделки	46
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
Дегтярев Д.Д. Нормативно-правовое регулирование электронной подписи: сравнительно-правовой анализ механизмов публично-правового регулирования в России и Китае	50

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Административные наказания в Российской Федерации: эволюция, зарубежный опыт и несостоявшаяся реформа

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Марчукайтис Алексей Сергеевич, студент магистратуры;

Брусенцов Александр Алексеевич, студент магистратуры;

Филатов Павел Валерьевич, студент магистратуры;

Калашникова Ульяна Сергеевна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу института административных наказаний в Российской Федерации в контексте его теоретического осмысления, зарубежных аналогов и незавершённой реформы законодательства. Автор рассматривает систему административных наказаний, предусмотренных действующим КоАП РФ, проводит сравнительно-правовой анализ с законодательством Германии, Франции, США и стран СНГ, выявляя общие закономерности и национальные особенности. Особое внимание уделяется проекту нового КоАП РФ, разработанному Минюстом в 2019–2020 годах, который предусматривал кардинальное реформирование системы административных наказаний, но не был принят вследствие пандемии коронавируса и острой критики со стороны профессионального сообщества. В работе обосновывается вывод о том, что системная реформа административно-деликтного законодательства остаётся актуальной задачей, а накопленный зарубежный опыт и концептуальные наработки несостоявшегося проекта могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании института административных наказаний.

Ключевые слова: административные наказания, административная ответственность, КоАП РФ, зарубежный опыт, реформа административного законодательства, проект нового КоАП, пандемия коронавируса, сравнительное правоведение, система наказаний, административный штраф.

Институт административных наказаний представляет собой центральный элемент механизма административной ответственности, обеспечивающий реализацию государственного принуждения в отношении лиц, совершивших административные правонарушения. Эффективность данного института во многом определяет состояние законности и правопорядка в сфере публичного управления, защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, принятый в 2001 году, за более чем два десятилетия своего существования претерпел многочисленные изменения, однако его концептуальные основы остаются неизменными [1]. В научной литературе неоднократно отмечалась необходимость системного обновления административно-деликтного законодательства, что обусловило разработку в 2019–2020 годах проекта нового КоАП РФ [2]. Однако данный проект, предусматривавший кардинальное реформирование системы административных наказаний, так и не был принят, что во многом было связано как с острой критикой со стороны экспертного сообщества, так и с пандемией

коронавируса, существенно изменившей приоритеты законотворческой деятельности.

Административное наказание представляет собой установленную государством меру ответственности за совершение административного правонарушения, применяемую в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами [1]. Правовая природа административных наказаний обусловлена их публично-правовым характером, направленностью на охрану общественных отношений в сфере государственного управления и обеспечение соблюдения административно-правовых норм.

Действующий КоАП РФ предусматривает следующую систему административных наказаний: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; дисквалификация; административное при-

остановление деятельности; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения [1].

Центральное место в данной системе занимает административный штраф, что обусловлено его универсальностью, относительной простотой применения и фискальной эффективностью. Вместе с тем, как справедливо отмечается в доктрине, доминирование штрафа в системе административных наказаний не всегда обеспечивает достижение целей административной ответственности, поскольку его размер нередко устанавливается без учёта имущественного положения лица, привлекаемого к ответственности.

Законодательное закрепление принципов назначения административных наказаний имеет определяющее значение для обеспечения справедливости и соразмерности административной ответственности. К числу основных принципов относятся: законность, индивидуализация наказания, соразмерность, справедливость, презумпция невиновности.

Особого внимания заслуживает принцип соразмерности, предполагающий соответствие назначаемого наказания характеру и степени общественной опасности совершённого правонарушения, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Как показывает анализ правоприменительной практики, реализация данного принципа сопряжена со значительными трудностями, что обусловлено как несовершенством законодательных конструкций, так и отсутствием единых методических подходов к определению размера наказания.

Анализ зарубежного законодательства об административных наказаниях позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные различия в подходах к правовому регулированию административной ответственности. В большинстве европейских стран отсутствует единый кодифицированный акт, аналогичный российскому КоАП. Нормы об административных правонарушениях и наказаниях содержатся в различных отраслевых законах, что обусловлено исторически сложившейся правовой традицией [7, с. 45].

В Германии, например, административное деликтное право представлено Законом об административных правонарушениях 1968 года, а также сотнями федеральных и региональных законов, определяющих административные проступки и ответственность за их совершение [7, с. 112]. Особенностью германского подхода является чёткое разграничение уголовных преступлений (*Straftaten*) и административных правонарушений (*Ordnungswidrigkeiten*), причём последние рассматриваются как деяния, не представляющие значительной общественной опасности и наказываемые преимущественно штрафами.

Во Франции и Бельгии ряд вопросов административных правонарушений решается Государственным советом — высшим органом административной юстиции [7, с. 89]. В этих странах наблюдается тенденция к судебному

контролю за назначением административных наказаний, что обеспечивает дополнительные процессуальные гарантии для лиц, привлекаемых к ответственности.

В странах СНГ система административных наказаний, назначаемых судом, практически идентична российской [8, с. 100]. Как отмечается в научной литературе, это связано с общностью моделей конституционного регулирования сферы публичного принуждения и имплементацией в национальное законодательство общепринятых международных принципов применения публичного принуждения. К административным наказаниям, назначаемым исключительно судом в странах СНГ, относятся административный арест, конфискация, лишение специального права, обязательные работы и дисквалификация [8, с. 105].

Особый интерес представляет зарубежный опыт внедрения балльных (штрафных) систем назначения административных наказаний, получивших распространение преимущественно в сфере дорожного движения [6, с. 70]. Данные системы предусматривают начисление штрафных баллов (очков) за совершение административных правонарушений, при достижении определённого порога которых применяются более строгие меры ответственности, вплоть до лишения специального права.

Как показывает анализ зарубежного опыта, балльные системы применяются в Азербайджане, Великобритании, Германии, Грузии, Израиле, Испании, Италии, Китае, США, Украине, Франции, Чехии, Японии и других странах [6, с. 72]. Выявление общих закономерностей и особенностей законодательного закрепления таких систем позволяет определить потенциальные направления совершенствования российского административно-деликтного законодательства.

Вопрос об административной ответственности юридических лиц в зарубежных правовых системах решается неоднозначно. В Германии, например, законодательство об административной ответственности юридических лиц включает сотни федеральных и региональных законов [7, с. 156]. В Эстонии и Польше к ответственности могут привлекаться как юридические лица, так и их должностные лица.

В отличие от России, в ряде зарубежных правовых систем в административной ответственности используется институт соучастия, что позволяет более гибко подходить к распределению ответственности между несколькими субъектами [7, с. 203]. Кроме того, как отмечается в сравнительно-правовых исследованиях, в российском законодательстве видов административных наказаний значительно больше и они более разнообразны, чем в зарубежных аналогах.

В 2019 году Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция нового Кодекса об административных правонарушениях, предусматривавшая кардинальное реформирование административно-деликтного законодательства [4]. В январе 2020 года Минюст России опубликовал проект нового КоАП РФ, а в июне того же года — доработанную редакцию [2].

Концепция нового КоАП предусматривала разделение административного законодательства на материальное и процессуальное. В новый КоАП предлагалось включить три раздела: «Общая часть», «Особенная часть» и «Субъекты административной юрисдикции». В Общей части предполагалось отразить вопросы, касающиеся принципов законодательства об административных правонарушениях, административного правонарушения и административной ответственности, административных наказаний и правил их назначения. Особенная часть должна была включать 36 глав, объединяющих составы административных правонарушений на основе их классификации по видовым объектам противоправного посягательства.

Проектом предлагалось ввести в действие новый КоАП РФ и новый Процессуальный кодекс РФ об административных правонарушениях с 1 января 2021 года, признав утратившим силу действующий КоАП РФ от 30 декабря 2001 года [2] [3].

Проект нового КоАП содержал ряд существенных новелл, касающихся системы административных наказаний [2]:

1. Исключение верхнего и нижнего пределов административного штрафа. Данные размеры предлагалось сохранить только для законов субъектов РФ об административных правонарушениях.

2. Переименование административного приостановления деятельности. Данный вид наказания предлагалось именовать как административный запрет деятельности, при этом предельный срок его назначения сокращался с девяноста до тридцати суток.

3. Существенное сокращение предельного срока назначения обязательных работ — до шестидесяти часов вместо двухсот часов в действующей редакции.

4. Увеличение общего срока давности привлечения к административной ответственности до одного года.

5. Расширение сферы применения административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований путём его распространения на выезд из РФ в период проведения международных спортивных соревнований.

6. Расширение возможности конфискации не только на орудия и предметы административного правонарушения, но и на маломерные суда, автотранспортные средства, принадлежащие на праве собственности лицам, привлечённым к ответственности за отдельные правонарушения.

7. Нормативное закрепление понятий длящихся, продолжаемых, однородных и повторных административных правонарушений.

8. Закрепление правила о недопустимости одновременного привлечения юридического лица и его должностного лица к ответственности за одно и то же административное правонарушение.

9. Расширение практики использования предупреждений в качестве наказания, которое во многих случаях должно было заменить штрафы. Механизм замены адми-

нистративного штрафа предупреждением предлагалось распространить на всех юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и их работников.

Проект нового КоАП с момента его опубликования подвергся жёсткой критике со стороны различных институтов гражданского общества и профессионального сообщества.

Председатель комитета Госдумы по госстроительству и законодательству Павел Крашенинников выступил категорически против поддержки проекта в представленном виде [5]. По его словам, КоАП должен отличаться чёткостью и внятностью, защищать граждан, а не тех, кто выписывает протоколы. Депутат отметил, что «с точки зрения русского языка он проработан ужасно, с точки зрения текста и увеличения санкций он их увеличивает. Он непонятный, а следовательно, даёт возможности для злоупотреблений. В таком виде он не может быть принят». Крашенинников также обратил внимание на то, что главы нового КоАП готовились теми организациями или под руководством тех органов, которые будут накладывать штрафы, что «ненормально». Свою позицию он резюмировал следующим образом: «КоАП у нас ужасный, но делать из него ещё более страшную вещь неправильно» [5].

Бизнес-омбудсмен Борис Титов также критиковал проект, предупредив премьер-министра Михаила Мишустина, что принятие документа в предложенной редакции несёт реальную угрозу инвестиционному климату, а также развитию малого и среднего бизнеса [10]. Уполномоченный констатировал, что в новом КоАП без какого-либо экономического обоснования планировалось в разы увеличить размеры штрафов, в первую очередь для индивидуальных предпринимателей.

Глава Торгово-промышленной палаты Сергей Катырин заявил, что проект по-прежнему нуждается в доработке и обсуждении, поскольку не учитывает ряд принципиальных для бизнеса моментов [9]. Палата выступила против исключения из новой редакции нормы о том, что юридические лица и индивидуальные предприниматели могут привлекаться к ответственности только по результатам контрольно-надзорных мероприятий. Установление такого правила, по мнению ТПП, позволяло оградить бизнес от подмены контрольно-надзорных мероприятий административным производством [9].

Важным обстоятельством, повлиявшим на судьбу проекта нового КоАП, стала пандемия коронавируса. В условиях введения режима повышенной готовности, ограничительных мер и нерабочих дней, объявленных указами Президента РФ, законотворческая деятельность была существенно переориентирована на оперативное реагирование на вызовы, связанные с распространением инфекции.

Пандемия не только изменила приоритеты законодателя, но и создала дополнительные сложности для широкого публичного обсуждения проекта в условиях социального дистанцирования и ограничений на проведение массовых мероприятий. Проекты КоАП

и Процессуального кодекса планировалось внести в правительство в мае 2020 года, а в Госдуму — в июне, однако эти сроки были сорваны.

В результате проект нового КоАП так и не был внесён в Государственную Думу. Как отмечается в научной литературе, до тех пор, пока новый КоАП РФ и ПКоАП РФ не приняты, институт административной ответственности в России продолжает развиваться в рамках ныне действующего КоАП РФ, изменения и дополнения которого продолжаются [1].

Несмотря на то, что проект нового КоАП не был принят, процесс реформирования административного законодательства продолжается. В действующий КоАП РФ вносятся многочисленные изменения, касающиеся размеров административных штрафов и составов правонарушений.

Вместе с тем системные проблемы института административных наказаний остаются нерешёнными. К их числу относятся:

1. Отсутствие единой концептуальной основы системы административных наказаний, что приводит к фрагментарности и противоречивости законодательного регулирования.

2. Недостаточная дифференциация административных наказаний в зависимости от статуса субъекта, характера и степени общественной опасности правонарушения.

3. Доминирование административного штрафа при недостаточной разработанности альтернативных мер ответственности.

4. Проблемы реализации принципа соразмерности наказания, связанные с отсутствием единых методических подходов к определению его размера.

5. Отсутствие системного подхода к разграничению административной и уголовной ответственности.

Зарубежный опыт, в частности бальные системы наказаний [6], опыт Германии и Франции в сфере административной юстиции [7], а также концептуальные наработки несостоявшегося проекта нового КоАП [2] [3] [4], могли бы быть использованы при дальнейшем совершенствовании российского административно-деликтного законодательства.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, повторное публичное обсуждение завершено 15.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, повторное публичное обсуждение завершено 15.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (одобрена Правительством РФ) // Официальный сайт Правительства Российской Федерации.
5. Крашенинников П. В. Проект нового КоАП в его нынешнем виде не может быть принят // Интервью ТАСС. — 13 июля 2020 г.

Институт административных наказаний в Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный правовой феномен, требующий системного научного осмысления и последовательного законодательного совершенствования. Действующая система административных наказаний, закреплённая в КоАП РФ 2001 года, в целом отвечает потребностям правоприменительной практики, однако нуждается в концептуальном обновлении с учётом современных реалий [1].

Зарубежный опыт правового регулирования административных наказаний демонстрирует многообразие подходов к решению сходных задач. В большинстве европейских стран отсутствует единый кодифицированный акт, нормы об административных правонарушениях содержатся в отраслевом законодательстве [7, с. 15]. Бальные системы административных наказаний, получившие распространение во многих странах, представляют интерес для возможной имплементации в российское законодательство [6, с. 75]. В странах СНГ система административных наказаний, назначаемых судом, практически идентична российской, что обусловлено общностью правовых традиций [8, с. 108].

Проект нового КоАП РФ, разработанный Минюстом в 2019–2020 годах, предусматривал кардинальное реформирование административно-деликтного законодательства, включая существенные изменения в системе административных наказаний [2] [4]. Однако проект не был принят вследствие острой критики со стороны профессионального сообщества, указавшего на необоснованное увеличение штрафов, коррупционные риски и несоответствие принципам справедливости, а также из-за пандемии коронавируса, изменившей приоритеты законотворческой деятельности [5] [9] [10].

Дальнейшее совершенствование института административных наказаний должно осуществляться с учётом как позитивного зарубежного опыта, так и концептуальных наработок несостоявшегося проекта. Приоритетными направлениями реформы представляются: дифференциация административных наказаний в зависимости от статуса субъекта и характера правонарушения; расширение альтернативных штрафу мер ответственности; совершенствование механизмов обеспечения соразмерности административной и уголовной ответственности.

6. Цындра В. Н. Бальная система административных наказаний (взысканий): анализ зарубежного опыта // Юридический вестник. — 2023. — № 4. — С. 67–78.
7. Зенькович Е. В. Административная ответственность в ряде стран Европы: сравнительное исследование. — М.: Норма, 2022. — 256 с.
8. Анализ системы административных наказаний, назначаемых судом, в странах СНГ (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) // Хозяйство и право. — 2025. — № 2. — С. 99–108.
9. Катырин С. Н. Проект КоАП по-прежнему требует доработки // РИА Новости. — 28 мая 2020 г.
10. Титов Б. Ю. Обращение к Председателю Правительства РФ М. В. Мишустину по вопросу проекта нового КоАП // 2020 г.

Проблема вредности оскорбления (часть 1 статьи 5.61 КоАП РФ) и соразмерности предусмотренного законом наказания для граждан

Дзусов Руслан Сергеевич, независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассмотрена проблема вредности оскорбления и соразмерности предусмотренного законом наказания, закрепленного в санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ для граждан. Проведен сравнительный анализ наказания, закрепленного в ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) и наказаний, закрепленных в ранее действовавших отечественных уголовно-правовых нормах, предусматривавших наступление уголовной ответственности за оскорбление. Изучены мнения исследователей по поводу характера и степени вреда, причиняемого оскорблением, сделаны авторские выводы, сформированы предложения по возможному совершенствованию законодательства, направлению дальнейших исследований.

Исходя из результатов проведенного исследования, автор считает возможным усовершенствовать санкцию ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ путем повышения верхнего предела размера штрафа для граждан, дополнения санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ другими видами наказаний для граждан, в частности, административным арестом, обязательными работами.

Ключевые слова: оскорбление, наказание за оскорбление.

The problem of the harmfulness of an insult (Part 1 of Article 5.61. of the Administrative Code of the Russian Federation) and the proportionality of the punishment provided by law for citizens

Dzusov Ruslan Sergeevich, independent researcher (Rostov-on-Don)

The article examines the problem of the harmfulness of insults and the proportionality of the punishment prescribed by law, which is fixed in the sanction of Part 1 of Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation for citizens. A comparative analysis of the punishment fixed in Part 1 of Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation) and punishments fixed in previously existing domestic criminal law norms providing for criminal liability for insult has been carried out. The authors studied the opinions of researchers on the nature and extent of the harm caused by insults, made their own conclusions, and formulated proposals for possible improvements in legislation and further research.

Based on the results of the study, we believe that it is possible to improve the sanction of Part 1 of Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by increasing the upper limit of the fine for citizens and adding other types of penalties for citizens, such as administrative arrest and compulsory labor.

Keywords: insult, punishment for insulting.

Введение

Цель работы — рассмотреть проблему вредности оскорбления и соразмерности предусмотренного законом наказания, закрепленного в санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ для граждан [9].

Для достижения цели работы необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ нормативной основы в части наказаний за оскорбления, предусмотренных дей-

ствующим и ранее действовавшим отечественным законодательством;

- рассмотреть теоретические аспекты вредности оскорбления, соразмерности наказания за оскорбление;
- сформировать позицию о вредности оскорбления и соразмерности предусмотренного законом наказания, закрепленного в санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ для граждан [9];

— сформулировать предложения по возможному совершенствованию законодательства в части изменения и дополнения санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ [9], направленности дельнейших исследований.

Предмет исследования — вредность оскорбления и соразмерность предусмотренного законом наказания, закрепленного в санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ для граждан [9].

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, распространенностью оскорблений в быту, в общественных местах, на работе, а, во-вторых, необходимостью повышения эффективности реализации функций наказания за нанесение оскорбления. В связи с этим, представляется целесообразным изучение проблемы соразмерности вреда, причиняемого оскорблением и предусмотренного законом (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) наказания для граждан [9], выработки практически значимых решений по возможному совершенствованию законодательной основы.

Как представляется, количество наносимых в реальной действительности оскорблений значительно выше, чем официально зарегистрированное, поскольку, как мы полагаем, не во всех случаях нанесения оскорблений, потерпевшие обращаются в правоохранительные органы. По нашему представлению, в некоторых случаях, потерпевшие от оскорбления воспринимают наказание за рассматриваемое правонарушение, предусмотренное санкцией ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ [9], как недостаточное, не оказывающее карательного, предупредительного воздействия на правонарушителя, в связи с чем, в ряде случаев, потерпевшие от оскорбления не обращаются в правоохранительные органы для защиты своих конституционных прав, наказания правонарушителя. Вместе с тем, в некоторых случаях, у правонарушителя, осознающего, что наказание, предусмотренное законом за оскорбление (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) [9] не является для него значительным как с финансовой, так и с иных точек зрения, может сформироваться ложное представление о нормах дозволенного поведения в обществе, нормах общения с окружающими людьми, чувство безнаказанности, позволяющее оскорблять других людей, способствующее совершению рассматриваемых правонарушений. Кроме этого, ситуация может усугубляться как отсутствием юридических знаний у потерпевшего от оскорбления, позволяющих защищать нарушенные права, так и несовершенством правоприменения, однако эти два фактора выходят за рамки данного исследования.

В связи с вышеизложенным, проблема вредности оскорбления (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) и соразмерности предусмотренного законом наказания для граждан [9] представляется актуальной, требующей изучения и выработки практически значимых решений.

Методика проведения исследования

В качестве методов исследования использованы: анализ, синтез, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

На первом этапе исследована нормативная основа: положения Конституции Российской Федерации, гаран-

тирующие охрану достоинства личности, защиту чести и доброго имени [10], положения КоАП РФ, касающиеся охраны и защиты от оскорблений [9], разъяснения правоприменителей [4; 15].

На втором этапе исследованы теоретические позиции, касающиеся вредности оскорблений, содержащиеся в исследованиях А. А. Бузиной [2]; О. А. Дизер, И. В. Сидоровой, О. Ю. Филиппова [6]; Д. П. Ищенко, А. В. Басова, Г. К. Ищенко [7]; И. В. Сидоровой [16].

На третьем этапе исследованы ранее действовавшие уголовно-правовые нормы, предусматривавшие наказание за оскорбление, действующая норма (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) [9], проведено сравнение видов и размеров наказаний за рассматриваемое правонарушение, предусмотренных ранее и действующих в настоящее время, теоретический аспект соразмерности вреда от оскорбления, предусмотренного и возможного наказаний, изложенные Р. Б. Осокиным [13]; Д. П. Ищенко, А. В. Басовым, Г. К. Ищенко [7; 8]; А. Д. Бугаевой [1].

На четвертом этапе исследования сделан вывод о наличии теоретической и практической проблемы соразмерности вредности оскорбления (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) и предусмотренного законом наказания [9], сформированы предложения по возможному решению указанной проблемы путем совершенствования действующего законодательства. Обозначены направления для возможных дальнейших исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Нормативный аспект

Следует иметь в виду, что право граждан на защиту от оскорблений закреплено в Конституции РФ [10]. Достоинство личности, честь и доброе имя каждого охраняются государством, а право на защиту достоинства личности, чести и доброго имени являются конституционными правами каждого [10]. В соответствии с ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [10]. Согласно ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на...защиту своей чести и доброго имени» [10].

Согласно ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ, оскорбление — это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» [9].

В силу положения ч. 1 ст. 28.4. КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ возбуждает прокурор, рассматривает мировой суд [9]. Ниже приведены разъяснения правоприменителей по вопросам квалификации оскорблений и вреда, причиняемого оскорблениями.

Согласно разъяснениям правоприменителя «Унижение чести и достоинства — это отрицательная оценка личности в обобщенном виде, направленная на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека, как в глазах окружающих, так и в своих собственных. Оскорбление представляет собой разновидность психического насилия, которая выражается в отрицатель-

ной оценке виновным личности гражданина, подрывает репутацию последнего в глазах окружающих и наносит ущерб его самоуважению» [15]. «Обязательным критерием состава этого правонарушения является наличие в действиях субъекта правонарушения неприличной формы, отсутствие которой исключает квалификацию действий как оскорбления. По смыслу закона неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком» [4]. Вышеприведенные разъяснения правоприменителей, позволяют сделать вывод о значительной вредности оскорбления.

Теоретический аспект вредности оскорбления

Как отмечает И. В. Сидорова, оскорбление «является одной из разновидностей общественно опасного психического насилия, обладая всеми признаками последнего (противоправное умышленное посягательство на психическую безопасность человека, причиняющее психический вред)» [16, с. 28–32]. Оскорбление причиняет потерпевшему «...эмоциональный вред в виде унижения достоинства» [16, с. 28–32]. «С психологической точки зрения вред, наносимый оскорблением, претерпевается потерпевшим в форме переживания отрицательного эмоционального состояния — обиды» [16, с. 28–32].

По мнению О. А. Дизер, И. В. Сидоровой, О. Ю. Филиппова, «один из основных показателей общественной вредности оскорбления представляет возможность причинения этими правонарушениями психической травмы потерпевшим» [6, с. 22–25].

Согласно точке зрения, изложенной А. А. Бузиной, «в числе стрессоров высокой интенсивности (факторов, вызывающих тяжелейшие психологические последствия, среди которых — посттравматический стресс) особо выделяется эмоциональное оскорбление. Этим термином целесообразно описывать разного рода оскорбления, носящие эмоциональную окраску и не всегда сопровождающиеся другими видами насилия...» [2, с. 69–73]. Такое эмоциональное оскорбление не в меньшей, а часто и в большей степени может травмировать психику жертвы, чем иное насилие [2, с. 69–73; 11; 12].

Как отмечают Ищенко Д. П., Басов А. В., Ищенко Г. К., «оскорбление фактически является психическим насилием над человеком...» [7, с. 136–146].

Анализ вышеизложенных позиций позволяет сделать вывод о высоком уровне вредности, оскорбления для психики потерпевшего, возможности ее травмирования.

Историко-правовой аспект наказаний за оскорбление

В контексте исследования следует обратить внимание на историко-правовой аспект проблемы. Проведя анализ источников уголовного права РСФСР, констатируем, что что оскорбление было закреплено в качестве преступления в уголовных кодексах РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г., общественная опасность оскорбления не вызвала сомнений у законодателя [14; 17; 20]. Указанное обстоятельство, по нашему представлению, свидетельствует

о высокой степени вредности оскорбления и соразмерных видах и размерах наказаний, ранее закрепленных законодателем в санкциях уголовно-правовых норм [14; 17; 20].

Так, например, ст. 172 УК РСФСР 1922 г. предусматривала в качестве уголовно-наказуемого деяния «оскорбление, нанесенное кому-либо действием, словесно или на письме», которое каралось «...принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до 500 рублей золотом или тем и другим» [14].

Согласно ст. 159 УК РСФСР 1926 г., за «оскорбление, нанесенное кому-либо словесно или письменно» законом предусматривались наказания в виде «штрафа до трехсот рублей или общественного порицания» [17]. За «оскорбление, нанесенное кому-либо действием», законом предусматривались следующие виды и размеры наказаний: «принудительные работы на срок до двух месяцев или штраф до трехсот рублей» [17].

Для того, чтобы соотнести приведенный выше размер штрафа за оскорбление, законодательно закрепленный в ст. 159 УК РСФСР 1926 г. с доходами населения в то время, ниже приведем статистические данные. Так, Я. Рашин в работе «Народное хозяйство. Заработная плата», опубликованной в «Вестнике труда», № 10, 1926 г. приводит данные о «средних месячных заработках рабочих крупной промышленности», согласно которым, в 1926 г. указанный заработок составлял 53,12 в червонных рублях, 27,30 в усл. моск. рублях [22, с. 58].

Соотнеся вышеприведенные статистические данные о размере заработка в РСФСР в 1926 г. [22, с. 58] и законодательно закрепленном размере штрафа за оскорбление, предусмотренное ст. 159 УК РСФСР 1926 г. [17], становится понятно, что максимальный размер штрафа, предусмотренный санкцией вышеуказанной уголовно-правовой нормы превышал средний месячный заработок рабочих крупной промышленности в несколько раз [17; 22, с. 58]!

Согласно ст. 131 УК РСФСР от 27 октября 1960 г., оскорблением признавалось «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме», которое наказывалось «исправительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом до одного минимального месячного размера оплаты труда, или возложением обязанности загладить причиненный вред, или общественным порицанием либо влекло применение мер общественного воздействия» [20].

Для сравнения вышеприведенных видов и размеров наказаний за оскорбление, закрепленных в уголовном законодательстве РСФСР и наказания для граждан, закрепленного в санкции ч. 1 ст. 5.61 действующего КоАП РФ, оценки их действенности, приведем данные Федеральной налоговой службы РФ, на 2026 г., согласно которым минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации составляет 27093 рубля в месяц [3]. Напомним, что в соответствии с санкцией ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ максимальный размер штрафа для граждан составляет пять тысяч рублей. Исходя из вышесказанного, очевидно, что наказание для граждан за оскорбление (ч. 1 ст. 5.61. КоАП

РФ), предусмотренное действующим законом об административных правонарушениях, гораздо мягче действовавших ранее, закрепленных в уголовно-правовых нормах РСФСР [14; 17; 20].

Исследуя вопросы вредности оскорбления и наказания за оскорбления, считаем нужным обратить внимание и на то обстоятельство, что ранее Уголовный кодекс Российской Федерации включал ст. 130 «Оскорбление», которая, в соответствии с положением Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» признана утратившей силу [21].

Согласно ранее действовавшей ч. 1 ст. 130 УК РФ (в редакции 1996 г.) «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, — наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев» [18].

Исходя из анализа вышеприведенных норм УК РСФСР [14; 17; 20] и ранее действовавшей редакции УК РФ (до 2012 г.) [18], содержащих составы преступлений — «оскорбление» и норм действующего КоАП РФ, констатируем, что почти сто лет отечественный законодатель наделял оскорбление общественно опасными свойствами, в связи с чем, оскорбление было закреплено в уголовных законах РСФСР [14; 17; 20], а, затем и РФ [18] в качестве преступления, за совершение которого предусматривалось гораздо более строгое наказание, чем предусмотрено сегодня, санкцией ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ для граждан [9].

Теоретический и нормативный аспекты соразмерности наказаний за оскорбление

В связи с вышесказанным, приведем точку зрения, изложенную Р. Б. Осокиным, согласно которой, «уважение достоинства человека — важный и неотъемлемый признак любого цивилизованного общества... Необходимы надежные уголовно-правовые механизмы защиты данных нематериальных благ от противоправных посягательств со стороны других лиц» [13, с. 196–199]. Криминализация оскорбления, по представлению Р. Б. Осокина, «представляется единственно возможным уголовно-правовым средством наведения порядка в сфере общественных отношений, основанных на уважении друг к другу и связанных с признанием обществом и государством чести и достоинства человека и гражданина» [13, с. 196–199].

Исследуя проблему соразмерности наказания за оскорбление (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) и вреда, причиняемого оскорблением, представляется целесообразным соотнести предусмотренный законом размер административного штрафа для граждан — от трех тысяч до пяти тысяч рублей, с доходами граждан, в особенности, в крупных городах с развитой экономикой, высоким уровнем доходов. Необходимо ответить на вопрос: позволяет ли наказание в виде административного штрафа в размере

пяти тысяч рублей, во всех случаях совершения гражданами рассматриваемых правонарушений, достичь целей административного наказания, закрепленных в ч. 1 ст. 3.1. КоАП РФ: «предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами»? Например, в случаях, когда доходы, имущественное положение правонарушителя (потенциального правонарушителя) таковы, что штраф в пять тысяч рублей неощутим для него с финансовой точки зрения, в связи с чем, наказание не оказывает карающего и предупреждающего действия?

В связи с вышесказанным, отметим, что исследователи обращают внимание на «незначительность административных штрафов, которые не выполняют задачи профилактики и предотвращения правонарушений» [8, с. 281–290]. Д. П. Ищенко, А. В. Басов, Г. К. Ищенко высказывают мнение о «целесообразности рассмотрения вопроса о признании оскорбления вне зависимости от статуса потерпевшего как уголовно наказуемого преступления с установлением квалифицирующих признаков данного преступления, исходя из публичности и нанесенного ущерба» [8, с. 281–290]. Кроме того, исследователи предлагают, в числе прочего, «существенно ужесточить санкции, увеличив размеры штрафов и предусмотрев административный арест» [8, с. 281–290].

Как отмечают Д. П. Ищенко, А. В. Басов, Г. К. Ищенко, «предусмотренное наказание за оскорбление, как административное правонарушение, не соответствует реальной и потенциальной общественной опасности» [7, с. 136–146]. Исследователи считают возможным и целесообразным применение административного ареста за совершение указанного правонарушения в случаях неоднократного его совершения, поскольку «неоднократное совершение правонарушения, предусмотренного ст. 5.61. КоАП РФ говорит о незначительности (несоразмерности) самого наказания, тем самым определяет дозволенность повторного его совершения. В данном контексте административный арест допустим, как исключительная мера наказания, в случае, неоднократного привлечения к административному штрафу, когда мера наказания не достигла цели» [7, с. 136–146]. Кроме того, в числе других мер, исследователи полагают необходимым «предусмотреть уголовную ответственность за оскорбление при повторном совершении правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение в течение года» [7, с. 136–146].

Согласно точке зрения, изложенной А. Д. Бугаевой, возможно введение более строгого наказания для лиц, систематически совершающих рассматриваемые правонарушения — оскорбления, в том числе, увеличив размеры штрафов, поскольку предусмотренные действующим законом размеры штрафов «не являются эффективной превенцией...» [1, с. 46–50].

Заключение

Выводы и предложения

Анализ вышеприведенных законодательных норм, точка зрения, содержащихся в научной литературе, позво-

ляет говорить о наличии спорного вопроса (проблемы) соразмерности вреда, причиняемого оскорблением и наказания для граждан, совершивших рассматриваемое правонарушение (ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ) [9]. Проблема, по нашему представлению, заключается в том, что, хотя действующее законодательство предусматривает наступление административной ответственности за совершение рассматриваемого правонарушения и закрепленный в законе вид и размеры наказаний (ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ) [9], в теории можно встретить точки зрения по поводу целесообразности и даже необходимости законодательного закрепления более строгих видов и размеров наказания за оскорбления, в т. ч. и уголовного. Анализ разъяснений правоприменителей позволяет сделать вывод о наличии значительного вреда, причиняемого потерпевшему от оскорбления.

Положительно оценивая наличие гражданско-правовых возможностей компенсации морального вреда [5], вместе с тем, с учетом вышеизложенного, полагаем, что предусмотренные, санкцией ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ вид и размеры наказания не во всех случаях, встречающихся в реальной действительности, в правоприменении, могут способствовать достижению целей административного наказания в полном объеме, которое является «установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» [9], в связи с чем, санкция ч. 1 ст. 5.61. КоАП

РФ, по нашему представлению, могла бы быть усовершенствована путем внесения изменений и повышения верхнего предела размера административного штрафа для граждан, по меньшей мере, до уровня МРОТ в стране. Кроме того, представляется целесообразным закрепить в санкции ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ и другие виды наказаний, например, административный арест, обязательные работы, что позволило бы суду дифференцировать наказания по виду и объему, соразмерно вредности содеянного, с учетом всех обстоятельств совершенного правонарушения.

По нашему представлению, вышеуказанные изменения и дополнения ч. 1 ст. 5.61. КоАП РФ способствовали бы достижению целей административного наказания, росту правосознания граждан, снижению количества фактически наносимых бытовых оскорблений, решению задач законодательства об административных правонарушениях [9].

В качестве предложений по возможной направленности дальнейших исследований указанной проблемы, представляется актуальным дальнейшее исследование вредности оскорбления и соразмерности наказаний за оскорбление, дальнейшее изучение отечественного и мирового опыта оценки вредности оскорбления и назначения соразмерного наказания, изучение вопроса целесообразности, справедливости законодательного закрепления уголовной ответственности и назначения уголовного наказания за оскорбления в зависимости от его тяжести и других обстоятельств.

Литература:

1. Бугаева А. Д. Актуальные вопросы административной ответственности за оскорбление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук (International Journal of Humanities and Natural Sciences). 2024. № 5–1 (92). С. 46–50 [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-administrativnoy-otvetstvennosti-za-oskorblenie?ysclid=mpvjkh88mh43272525> (дата обращения: 01.06.2026 г.).
2. Бузина А. А. Имплицитные представления об эмоциональном оскорблении и эмоциональном насилии и их дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 1 т. 25. С. 69–73. [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnye-predstavleniya-ob-emotsionalnom-oskorblenii-i-emotsionalnom-nasilii-i-ih-differentsiatsiya/viewer> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
3. В Управлении рассказали об изменении минимального размера оплаты труда с 2026 г. Дата публикации: 18.12.2025 // Новости налогового законодательства [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn95/news/tax_doc_news/16592037/ (дата обращения: 18.06.2026 г.).
4. Вопрос прокурору // Куда обратиться, чтобы привлечь виновного за оскорбление? 03. Июля 2020 г. [Электронный ресурс]: Прокуратура города Москвы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/activity/legal-education/prokuratura-questions/e2002893/ (дата обращения: 27.02.2026 г.).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]: Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=mq2c01xe8m558338173> (дата обращения: 06.06.2026 г.).
6. Дизер О. А., Сидорова И. В., Филиппов О. Ю. Оскорбление и хулиганство: разграничение ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 22–25. [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-i-huliganstvo-razgranichenie-otvetstvennosti/viewer> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
7. Ищенко Д. П., Басов А. В., Ищенко Г. К. Декриминализация уголовной ответственности за оскорбление личности: требуется не либерализация, а модернизация законодательства // Ученые записки Крымского федерального

- университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 136–146 [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekriminalizatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-oskorblenie-lichnosti-trebuetsya-ne-liberalizatsiya-a-modernizatsiya> (дата обращения: 01.06.2026 г.).
8. Ищенко Д. П., Басов А. В., Ищенко Г. К. Правовая оценка оскорбления, как административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73) № 2. С. 281–290 [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-otsenka-oskorbleniya-kak-administrativnogo-pravonarusheniya-i-ugolovno-nakazuemogo-deyaniya/viewer> (дата обращения: 01.06.2026 г.).
 9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 — ФЗ [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277&ysclid=mlju8wfc650563041> (дата обращения: 13.02.2026 г.).
 10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595&ysclid=mlkihtoki653629394#I0 (дата обращения: 13.02.2026 г.).
 11. Н. Е. Харламенкова. Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Библиотека Института психологии РАН [Электронный ресурс]: URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_27701589.pdf?ysclid=mqp754tpkt192334148 (дата обращения: 22.06.2026 г.).
 12. Н. Е. Харламенкова. Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия, совладание. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — С. 193–214.
 13. Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8 (041–042). С. 196–199. [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekriminalizatsiya-klevety-i-oskorbleniya-kak-odna-iz-form-realizatsii-ugolovnoy-politiki?ysclid=mmukez9ccw781360199> (дата обращения: 17.03.2026 г.).
 14. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Р. С. Ф. С. Р. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22?ysclid=mrbpdmjkb1689249812 (дата обращения: 08.07.2026 г.).
 15. Прокурор разъясняет: Ответственность за оскорбление / Администрация Сосновского муниципального округа. 7 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]: интернет-сайт Администрации Сосновского муниципального округа Нижегородской области. URL: <https://sosnovskoe.nobl.ru/presscenter/news/58446/> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
 16. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32. [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-raznovidnost-psihicheskogo-nasiliya/viewer> (дата обращения: 27.02.2026 г.).
 17. Уголовный кодекс Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 г. С изменениями до 1 марта 1929 г. М. Юридическое издательство НКЮ РСФСР. 1929 г. [Электронный ресурс]: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». URL: <https://www.prlib.ru/item/722685?ysclid=mlqse9dyit554824924> (дата обращения: 17.02.2026 г.).
 18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 1996 г.). Издательства «АЛЬФА». СПб. 1996.
 19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]: Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 15.02.2026 г.).
 20. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]: Правительство России официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/95759/?page=10> (дата обращения: 16.02.2026 г.).
 21. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420 — ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34537/page/1> (дата обращения: 17.03.2026 г.).
 22. Я. Рашин. «Народное хозяйство. Заработная плата» // «Вестник труда». 1926. № 10. С. 58 [Электронный ресурс]: Интернет — сайт Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/Labour/Journal1/104/statya4.htm> (дата обращения: 18.06.2026 г.).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Кравченко Кристина Александровна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики. Анализируются основные направления трансформации правового регулирования под влиянием цифровизации, включая развитие платформенной экономики, внедрение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность, а также формирование новой правовой среды для ведения бизнеса. Особое внимание уделяется принятому в 2025 году Федеральному закону «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который заложил правовые основы функционирования посреднических цифровых платформ. На основе проведенного исследования формулируются выводы о современных тенденциях развития правового регулирования предпринимательской деятельности в цифровой экономике и перспективах его совершенствования.

Ключевые слова: цифровая экономика, платформенная экономика, правовое регулирование, предпринимательская деятельность, цифровые платформы, маркетплейсы, электронная торговля, самозанятость.

Цифровая трансформация экономики является одним из ключевых факторов развития современного предпринимательства. Внедрение цифровых технологий кардинально меняет традиционные модели ведения бизнеса, создавая новые формы предпринимательской деятельности и трансформируя правовое регулирование соответствующих отношений. Как справедливо отмечается в научной литературе, цифровая экономика представляет собой экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях, которая создает новые возможности для предпринимательства, но одновременно порождает новые вызовы для правового регулирования [1, с. 3].

В условиях стремительного развития цифровых платформ, электронной коммерции и иных форм цифровой экономики особую актуальность приобретает исследование правового регулирования предпринимательской деятельности в новых технологических реалиях. В Российской Федерации за последние годы принят ряд значимых нормативных правовых актов, направленных на создание правовой основы для развития цифровой экономики и предпринимательства в ее рамках. В связи с изложенным целью настоящей статьи является анализ современного состояния и перспектив развития правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики.

Цифровая экономика трансформирует традиционные подходы к ведению предпринимательской деятельности, создавая новые возможности для бизнеса. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, цифровая

экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [2].

В последние годы в России наблюдается стремительное развитие цифровых платформ. Согласно официальным данным, сегодня более 15% розничной торговли в России осуществляется через Интернет, причем более половины этого объема обеспечивается торговыми площадками. Ресурсы электронной коммерции посещают не менее одного раза в день 80% жителей страны в возрасте от 12 лет. Более 90% покупок в стране оплачиваются банковским переводом, в том числе с помощью QR-кодов и инструментов биометрии [3]. Указанные тенденции свидетельствуют о глубокой цифровой трансформации предпринимательской деятельности.

Цифровые платформы стали не только инструментом осуществления предпринимательской деятельности, но и ее самостоятельной формой. Как верно отмечается в научной литературе, платформенная экономика представляет собой совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях [1, с. 3–5]. Платформы предоставляют возможности для заработка

миллионам граждан: в настоящее время российские платформы создают возможности для работы примерно 3 миллионам человек, которые могут функционировать в рамках договоров гражданско-правового характера.

В Российской Федерации сформирована система правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики. Ключевым элементом этой системы стало принятие в 2025 году Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [4]. Закон вводит фундаментальные понятия, ранее отсутствовавшие в российском законодательстве, и устанавливает правовые основы функционирования посреднических цифровых платформ.

Закон определяет посредническую цифровую платформу как цифровую платформу, обеспечивающую взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющую технические возможности размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера. Как подчеркивается в пояснительных материалах, закон направлен на создание безопасной цифровой среды, способствующей повышению уровня доступности товаров, работ, услуг, а также развитию предпринимательства и конкуренции [5].

Законодатель устанавливает ключевые требования к деятельности цифровых платформ, которые можно разделить на три основных блока.

Первый блок регламентирует обязательства платформ и их партнеров перед потребителями, направленные на обеспечение уверенности в качестве товаров и услуг. В соответствии с законом, платформы обязаны проверять информацию о партнере и продукции через государственные информационные системы. Вводится требование к карточке товара, которую будет проверять оператор платформы, и в случае неполноты информации карточка не размещается. Продавец товара несет ответственность за достоверность информации и фактическое исполнение обязательных требований.

Второй блок закона фиксирует обязательные условия соглашений между платформой и партнером, а также основания для их изменения. Ключевыми новеллами являются:

- прозрачность условий договоров с продавцами;
- запрет навязывания скидок без получения согласия продавца;
- необходимость уведомления партнеров об изменении существенных условий договора за 45 дней;
- внедрение системы досудебного урегулирования споров (рассмотрения жалоб).

Как подчеркивается в официальных источниках, цель законопроекта — защита прав и интересов граждан [5]. Документ устанавливает базовые правила для работы цифровых платформ, создавая гарантии безопасности для потребителей и справедливые условия для бизнеса.

Третий блок определяет специфику взаимодействия платформ с самозанятыми гражданами. Платформы обязаны идентифицировать партнеров через Единую систему идентификации и аутентификации или государственные реестры (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых).

Закон вступит в силу с 1 октября 2026 года, что, по мнению экспертов, позволит платформам и их партнерам планомерно подготовиться к реализации всех требований, влекущих изменения в бизнес-процессах.

Несмотря на активное развитие законодательства, правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, сохраняется определенная правовая неопределенность в регулировании отдельных аспектов цифровой экономики. Внедрение новых технологий и бизнес-моделей происходит быстрее, чем законодатель успевает на них реагировать. Как отмечается в научной литературе, одной из ключевых проблем является необходимость адаптации традиционных правовых институтов к новым цифровым реалиям [6, с. 10].

Во-вторых, вопросы правового статуса цифровых платформ и их ответственности за действия партнеров остаются дискуссионными. Появление нового участника экономических отношений — цифровой платформы — требует пересмотра традиционных подходов к ответственности сторон в гражданско-правовых отношениях [6, с. 11].

В-третьих, проблемой является обеспечение баланса интересов всех участников платформенной экономики. Как было отмечено при обсуждении законопроекта о платформенной экономике, крупные платформы стали фактическими регуляторами доступа на рынок, не отвечая за качество товаров и услуг, а отношения между платформами и самозанятыми и ИП остаются неурегулированными [5].

В-четвертых, остается актуальной проблема применения положений закона к иностранным цифровым платформам, работающим на российском рынке. Как было заявлено на международном уровне, новое законодательство будет применяться и к зарубежным цифровым платформам [7]. Однако практическая реализация этого принципа может столкнуться с определенными сложностями.

С учетом выявленных проблем представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики по следующим направлениям.

Во-первых, требуется системное развитие законодательства о платформенной экономике с учетом международного опыта. Как отмечается на официальном уровне, Россия — одна из первых стран, принявших закон о регулировании платформенной экономики [7]. При этом российское регулирование учитывает национальную специфику развития платформенной экономики. Дальнейшее развитие законодательства должно основываться на ана-

лизе правоприменительной практики и учете позиций всех участников рынка.

Во-вторых, необходимо совершенствование механизмов защиты прав и законных интересов участников платформенной экономики — потребителей, предпринимателей, самозанятых граждан. Закон предусматривает обязательную систему досудебного разрешения споров, что является важным шагом в этом направлении. Однако практическая реализация этого механизма требует дальнейшей проработки.

В-третьих, актуальной задачей является унификация подходов к регулированию цифровых платформ в рамках Евразийского экономического союза и иных интеграционных объединений. Как отметил министр экономического развития РФ при обсуждении закона, имеется большой потенциал для международного сотрудничества в этой сфере [8]. Унификация подходов позволит создать более предсказуемую среду для предпринимательской деятельности.

Таким образом, правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики находится на этапе активного формирования. Принятый в 2025 году Федеральный закон «Об отдель-

ных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» стал важным шагом в создании правовой основы для развития цифрового предпринимательства. Закон вводит фундаментальные понятия и устанавливает правила взаимодействия участников платформенной экономики, направленные на защиту интересов всех сторон — предпринимателей, потребителей и самих платформ.

Ключевыми направлениями нового регулирования стали: прозрачность условий договоров с продавцами, проверка партнеров через государственные реестры, запрет навязывания скидок, досудебное урегулирование споров, а также защита прав потребителей через проверку информации о товарах. Закон вступает в силу с 1 октября 2026 года, что позволит участникам рынка адаптироваться к новым требованиям.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования предпринимательской деятельности в цифровой экономике должно осуществляться с учетом развития технологий, правоприменительной практики и международного опыта, что позволит создать сбалансированную и эффективную правовую среду для развития цифрового предпринимательства в России.

Литература:

1. Тутов Л. А., Измайлов А. А. Цифровые технологии на службе у предпринимательства: новые вызовы для регулирования // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2024. — № 3. — С. 3–18.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
3. Доля безналичных платежей по итогам 2025 года в РФ выросла до 88% [Электронный ресурс] // Финмаркет. — 19 февраля 2026 г. — URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/6564461> (дата обращения: 21.07.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 4985.
5. Депутаты Госдумы поддержали законопроект «о платформах» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — 8 июля 2025 г. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/deputaty_gosdumy_podderzhali_zakonoproekt_o_platformah.html (дата обращения: 21.07.2026).
6. Яковлева, М. А. Адаптация институтов гражданского права к вызовам цифровой экономики / М. А. Яковлева // Хозяйство и право. — 2025. — № 6. — С. 3–12.
7. Russian Duma passes law on platform economy // Interfax. — 22 July 2025. — URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/112824/> (дата обращения: 21.07.2026).
8. Правительство поддержало нормативное регулирование платформенной экономики [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — 3 июля 2025 г. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_podderzhalo_normativnoe_regulirovanie_platformennoy_ekonomiki.html (дата обращения: 21.07.2026).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Представительство и недействительность сделок в гражданском праве и процессе: доктринальные и правоприменительные аспекты взаимовлияния

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Мурашова Елена Константиновна, студент магистратуры;
Твердохлебов Андрей Алексеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена системному анализу двух взаимосвязанных правовых институтов — судебного представительства и последствий недействительности сделок. Автор исходит из того, что представительство выступает инструментом как превентивной защиты от недействительности (на стадии совершения сделки), так и средством судебной защиты при оспаривании сделок. Рассматриваются актуальные законопроектные инициативы 2024–2025 гг. о реформировании судебного представительства (включая дискуссию об адвокатской монополии), а также новейшая практика Верховного Суда РФ по делам о недействительности сделок (в том числе резонансное дело Ларисы Долиной). Особое внимание уделено ответственности представителя за недействительность сделки и роли представителя в доказывании по реституционным спорам. На основе анализа доктрины, законодательства и судебной практики формулируются выводы о современных тенденциях и перспективах совершенствования обоих институтов в их единстве.
Ключевые слова: представительство в гражданском процессе, судебное представительство, адвокатская монополия, недействительные сделки, реституция, двусторонняя реституция, добросовестный приобретатель, ответственность представителя, Верховный Суд РФ.

Институты представительства и недействительности сделок традиционно рассматриваются в науке гражданского права обособленно: первый — в рамках процессуальных и обязательственных отношений, второй — в учении о сделках. Между тем их функциональная и генетическая связь проявляется в нескольких плоскостях: (1) представитель участвует в совершении сделки и обязан обеспечить её правовую чистоту; (2) ненадлежащее исполнение представителем обязанностей может служить причиной недействительности; (3) в судебных спорах о признании сделок недействительными и применении реституции качество представительства нередко определяет исход дела; (4) последствия недействительности могут затрагивать права и обязанности самого представителя (например, при превышении полномочий).

В последние годы оба института находятся в фокусе активной законотворческой и правоприменительной деятельности, что делает их совместный анализ особенно актуальным.

Судебное представительство — это процессуальная деятельность одного лица (представителя) от имени и в интересах другого лица (представляемого) на основании предоставленных полномочий, направленная на защиту прав и законных интересов представляемого в суде

[2, ст. 48 ГПК]. Нормативную основу составляют также ст. 182 ГК РФ [1] и разъяснения Верховного Суда.

Статья 48 ГПК РФ закрепляет право граждан вести дела через представителей; для организаций — это их органы или представители. Закон допускает представительство по всем категориям дел, за исключением случаев, где требуется личное участие (например, усыновление) [2].

По основаниям возникновения традиционно выделяют следующие виды:

1. законное (родители, опекуны — ст. 52 ГПК);
2. договорное (на основе доверенности, договора поручения) — наиболее распространённое;
3. представительство на основании учредительных документов (руководитель юрлица) [1, ст. 182].

В арбитражном процессе и в вышестоящих инстанциях требуется высшее юридическое образование (ч. 3 ст. 59 АПК РФ) [3], в судах общей юрисдикции такого требования нет. Как отмечает О. А. Кухарева и С. А. Семикина, отсутствие единых стандартов качества ведёт к проблемам, поскольку оплата неквалифицированной помощи не должна возлагаться на проигравшую сторону [6, с. 48–50].

В 2025 г. развернулась острая дискуссия о введении адвокатской монополии на судебное представительство.

Минюст России 11 июля 2025 г. опубликовал проект закона, предлагающий допускать в суд только адвокатов (исключения — штатные юристы компаний, близкие родственники в первой инстанции, отдельные категории — патентные поверенные и др.) [9]. Проект вызвал шквал критики — более 3 тыс. негативных отзывов [10]. Председатель Комитета Госдумы П. В. Крашенинников заявил о неприятии монополии в таком виде [10]. Верховный Суд РФ также высказался против, указав на ограничение доступа к правосудию и рост стоимости услуг [10]. Альтернативный законопроект № 1027223–8, внесённый 30 сентября 2025 г., предлагает закрепить право представителей с высшим юридическим образованием выступать в суде независимо от статуса адвоката [8]. По оценкам экспертов, реформа «зависнет надолго» [10].

Таким образом, развитие института идёт не по пути монополизации, а по пути повышения профессиональных стандартов при сохранении свободы выбора представителя.

В соответствии со ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечёт юридических последствий, а основным последствием является реституция — возврат сторон в первоначальное положение (п. 2 ст. 167) [1]. Возможны двусторонняя и односторонняя реституция, а также конфискационные санкции по ст. 169 ГК РФ.

Правоприменительная практика сталкивается с системными проблемами, прежде всего — с защитой прав добросовестных приобретателей. Недействительность сделки сама по себе не означает, что имущество вышло помимо воли собственника; необходимо устанавливать добросовестность и вину [11]. Особую сложность представляют случаи, когда одна сторона (например, недееспособная по ст. 177 ГК) передала полученное третьим лицам — тогда реституция становится односторонней, что несправедливо для добросовестной стороны.

Резонансное дело Ларисы Долиной (Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2) [11]. Суд указал, что заблуждение относительно мотивов сделки не является основанием для признания её недействительной (п. 3 ст. 178 ГК). Даже при признании сделки недействительной по ст. 178 суд обязан применить двустороннюю реституцию — покупатель должен получить уплаченные деньги. Суды нижестоящих инстанций это проигнорировали, ВС оставил право собственности на квартиру за покупателем, подчеркнув защиту добросовестного приобретателя.

Другие значимые определения ВС РФ:

1. Определение от 25.04.2025 № 305-ЭС24–23572 [12] — направлено на новое рассмотрение из-за противоречий в выводах суда апелляционной инстанции.

2. Определение от 12.02.2025 № 307-ЭС24–19017 [13] — отказано в признании торгов недействительными за недоказанность нарушения прав истца.

3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2025 № 8Г-17079/2025 [14] — сделки должника, совершённые после привлечения к субсиди-

арной ответственности с целью уклонения от исполнения, признаны недействительными, применена реституция.

В литературе отмечается, что в большинстве случаев реституция фактически односторонняя: добросовестный покупатель теряет и имущество, и деньги [15]. В связи с этим в 2025 г. предложены законодательные изменения: возврат недвижимости продавцу только после возмещения расходов покупателю, а также поправки в Закон о банкротстве [15].

Наиболее важный для целей статьи аспект — роль представителя как на стадии совершения сделки, так и в судебном споре о её недействительности.

Представитель — гарант законности сделки

Именно представитель (особенно в корпоративных сделках, с недвижимостью) проверяет правоспособность контрагента, полномочия подписантов, соответствие формы и содержания требованиям закона. Ненадлежащее исполнение этих функций может привести к недействительности:

1. превышение полномочий (ст. 174 ГК) — сделка может быть оспорена;
2. введение представляемого в заблуждение представителем — основание по ст. 178 ГК;
3. нарушение представителем требований к форме сделки (например, отсутствие нотариального удостоверения, если оно обязательно).

Таким образом, представитель выступает первичным фильтром, предотвращающим пороки сделки.

Вопрос об ответственности представителя перед представляемым за убытки, вызванные недействительностью сделки, остаётся дискуссионным. Если представитель действовал в пределах полномочий, но сделка оказалась недействительной по иным причинам (порок содержания), ответственность несёт представляемый. Однако если недействительность вызвана виновными действиями представителя (умышленное превышение полномочий, сокрытие существенной информации), представитель обязан возместить убытки на основании договора поручения или агентского договора (ст. 15, 393 ГК). Судебная практика по таким искам неединообразна, что требует дополнительного научного осмысления [7, с. 118–120].

В процессах о признании сделок недействительными представители сторон формулируют правовую позицию, собирают доказательства (в частности, о добросовестности приобретателя, о моменте, когда истец узнал о нарушении), обосновывают применение конкретных норм. Качество представительства напрямую влияет на результат: в деле Долиной представитель истца не смог убедить суд в наличии существенного заблуждения, а представитель ответчика — в необходимости двусторонней реституции.

Дискуссия об адвокатской монополии имеет прямое отношение к этой категории дел: сторонники монополии утверждают, что только адвокаты обладают достаточной квалификацией для ведения сложных дел о недействительности [9]. Однако, как показано выше, профессио-

нальное сообщество и ВС РФ не поддерживали столь жёсткую меру, указывая на конституционное право на выбор представителя [10].

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Институты представительства и последствий недействительности сделок органично взаимосвязаны на доктринальном, законодательном и правоприменительном уровнях. Представительство служит превентивным механизмом против недействительности сделок и одновременно — инструментом судебной защиты при её оспаривании.

2. Современная реформа представительства (дискуссия 2024–2025 гг.) должна учитывать не только процессуальные аспекты, но и функцию представителя как гаранта

законности сделок. Введение адвокатской монополии в предложенном виде нецелесообразно; предпочтительнее — повышение стандартов качества юридической помощи при сохранении свободы выбора.

3. Судебная практика по недействительным сделкам (особенно дела 2025 г.) демонстрирует тенденцию к усилению защиты добросовестных приобретателей и реальной двусторонней реституции. Это требует законодательного закрепления механизмов, обеспечивающих баланс интересов сторон.

4. Дальнейшее совершенствование обоих институтов должно идти в их единстве: необходимо урегулировать вопрос об ответственности представителя за недействительность сделки, а также о процессуальных последствиях ненадлежащего представительства при реституции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
4. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 49 (ч. I). — Ст. 7523.
5. Крашенинников П. В. Представительство в гражданском процессе: комментарий к главе 5 ГПК РФ / под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2020. — 192 с.
6. Кухарева О. А., Семикина С. А. Профессиональное представительство в гражданском и арбитражном процессе и его роль в повышении уровня правовой культуры // Вестник гражданского процесса. — 2024. — № 3. — С. 45–58.
7. Иванова Т. Ю., Петров А. В. Проблемы правового регулирования института представительства и смежных с ним институтов гражданского процессуального права // Закон. — 2024. — № 3. — С. 112–125.
8. Законопроект № 1027223–8 «О внесении изменений в статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (внесён в Госдуму 30.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Законопроект Минюста России о введении адвокатской монополии на судебное представительство (опубликован 11.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Интервью П. В. Крашенинникова о законопроекте об адвокатской монополии // Информационное агентство ТАСС. — 3 октября 2025 г. — URL: (доступно в СПС).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25–174-К2 по делу Ларисы Долиной // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2025 № 305-ЭС24–23572 по делу № А41–1791/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2025 № 307-ЭС24–19017 по делу № А56–119617/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2025 № 8Г-17079/2025 [88–18524/2025] // СПС «Гарант».
15. Суд отменил сделку по квартире при условии возврата денег покупателю // Российская газета. — 23 декабря 2025 г.

Предприятие как имущественный комплекс в предмете договора продажи предприятия: особенности правового регулирования и правоприменительной практики

Гандембул Артём Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Гаврилова Аминат Магомедхабибовна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (г. Москва)

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования предприятия, как имущественного комплекса, являющегося предметом договора продажи предприятия, а также особенностям правоприменительной практики относительно договора продажи предприятия. Проанализирована правовая сущность предприятия как особого объекта гражданского оборота, характеризующегося комплексностью и взаимосвязанностью входящих в его состав объектов гражданских прав, объединенных с целью осуществления предприятием предпринимательской деятельности, а также особенности правового регулирования государственной регистрации права собственности на предприятие, его перехода, ограничений, обременений предприятия. Рассмотрены точки зрения относительно дополнения законодательно закреплённого состава предприятия иными нематериальными элементами. Проанализирована проблематика заключения сторонами договора продажи предприятия, при котором фактически предметом спорного договора является имущество, иные объекты гражданских прав, не являющиеся имущественными комплексами. Проанализирована правоприменительная практика по договорам продажи предприятия, в которой суды обращают внимание на вид имущества, являющегося предметом соответствующего спорного договора и соответствие такого имущества характеру имущественного комплекса, являющегося недвижимым имуществом и подлежащим государственной регистрации, на факт государственной регистрации предприятия в целом как имущественного комплекса, выступающего предметом спорного договора. Кроме того, суд оценивает наличие в спорном договоре данных, позволяющих однозначно определить недвижимое имущество, подлежащее передаче.

Ключевые слова: имущественный комплекс, предприятие, недвижимое имущество, договор купли-продажи предприятия.

Предприятие, как объект гражданского оборота, характеризуется особой спецификой правового регулирования. Легальное определение предприятия, как имущественного комплекса, закреплено в ст. 132 ГК РФ. Предприятие в отечественном законодательстве рассматривается как недвижимое имущество, состав которого определен в п. 2 ст. 132 ГК РФ и включает в себя предназначенные для осуществления деятельности предприятия движимые и недвижимые вещи (земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция), права требования, долги, права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы, услуги, а также иные исключительные права.

При этом предприятие представляет собой не некий набор вышеперечисленных объектов гражданских прав самих по себе, а характеризуется комплексностью и взаимосвязанностью таких объектов, входящих в состав предприятия как единого объекта прав, выступающего в гражданском обороте, необходимых для полноценного осуществления производственного процесса и объединенных единой целью — использования для осуществления предприятием предпринимательской деятельности, т. е. и являет собой имущественный комплекс.

Отмечая недопустимость сведения предприятия, как объекта гражданских правоотношений, к простой совокупности предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности движимого и недвижимого имущества, Е. Л. Невзгодина подчеркивает, что «преобразование такого рода оборудования в предприятие нуждается в проведении целого комплекса дей-

ствий по организации на его базе процесса производства» [1, с. 55].

На целевой характер имущественного комплекса и совместное целенаправленное действие составляющих такой комплекс разнородных объектов обращает внимание А. М. Лаптева, также отмечая, что «назначение имущественного комплекса — это общая юридическая судьба его элементов, включающая в себя единство правового режима и принадлежность одному субъекту» [2, с. 208].

На сущность предприятия как единого недвижимого комплекса, необходимого для осуществления предпринимательской деятельности, а не представляющего собой простой совокупности разрозненных вещей и произвольно выбранных обязательств указывает также Володарский районный суд Нижегородской области в решении от 19 октября 2017 г. по делу № 2–809/2017, приводя в качестве основных признаков предприятия «объединение имущества (образование комплекса) для определенного вида предпринимательской деятельности; фактическое ведение предпринимательской деятельности, направленной на получение прибыли от использования этого имущества («предприятие на ходу»)», при этом отмечая, что «на фактическое ведение предпринимательской деятельности в первую очередь указывают обязательства, договоры, права требования и долги по которым включаются в состав предприятия» [3].

Учитывая, что целью предприятия является осуществление предпринимательской деятельности, существенное значение имеет полнота реализации предприятием своих экономических интересов, что влияет на возмож-

ность нахождения предприятия «на ходу». При этом в научной литературе высказываются предложения о дополнении закрепленного в п. 2 ст. 132 ГК РФ состава предприятия, как имущественного комплекса иными составляющими элементами. Так, М. В. Аношин предлагает включить в состав предприятия деловую репутацию, деловые связи (клиентелу), шансы (возможность предприятия иметь клиентов в будущем) [4, с. 41]. Точки зрения о необходимости признания деловой репутации, деловых связей и фактического положения нематериальными элементами предприятия придерживается В. В. Гуцин [5, с. 20].

Актуальной представляется проблематика заключения сторонами договора продажи предприятия, при котором фактически сделка совершается в отношении имущества, а также иных объектов гражданских прав, не представляющих собой единого имущественного комплекса. Так, в постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 сентября 2024 г. № 16АП-1965/2024 по делу № А20-4307/2023 отмечено, что «при квалификации заключенного сторонами договора следует учитывать судебную практику, согласно которой договоры купли-продажи бизнеса с объектом, не отвечающим требованиям, предъявляемым статьи 132 ГК РФ, квалифицируются судами не как договоры купли-продажи предприятия (статья 559 ГК РФ), а как смешанные договоры (часть 3 статьи 421 ГК РФ), которые регламентируются общими положениями ГК о договоре купли-продажи» [6].

В решении Чернянского районного суда Белгородской области от 14 мая 2018 г. по делу № 2-115/2018 суд установил, что согласно п. 2 договора купли-продажи предприятия права на фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и другие средства индивидуализации продавца и его товаров, работ или услуг, а также принадлежащие ему на основании лицензий права использования таких средств индивидуализации переходят к покупателю, а также что согласно п. 3 договора предприятие продается в составе: офисного дивана, стола, тумбы, кресла, стула офисного, столика журнального, кулера, цветов, полки, офисного стола, урны, ноутбука, стационарного ПК, монитора, принтера, картриджа, телефона, планшета, сетевого фильтра, комплекса офисных принадлежностей: роутера, колонки, вывески. Отмечено фактическое приобретение истцом бизнеса по оказанию информационных услуг с офисными принадлежностями, передачу истцу базы со списком квартир, оказания консультативных услуг со стороны ответчика. Судом отмечено, что «данный договор является договором купли-продажи имущества (оборудования), необходимого для осуществления работы агентства недвижимости, следовательно, возникшие между сторонами правоотношения подпадают под действие общих правил о договоре купли-продажи».

Кроме того, суд подчеркнул, что указание на продажу предприятия в договоре купли-продажи предприятия «само по себе не свидетельствует, что данный договор регламентирует продажу предприятия, поскольку

передаваемые ответчиком истцу материальные активы, согласно договору, представляли собой: офисное оборудование, технические средства и мебель, т. е. переданное по договору имущество, не является недвижимым имуществом, и не подлежит государственной регистрации» [7].

Другой пример. В решении Мегионского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 16 ноября 2025 г. по делу № 2-431/2025 суд, отметив заключение между сторонами договора, поименованного как «договор купли-продажи предприятия (бизнеса)», во исполнение которого «сторонами осуществлена передача движимого имущества, необходимого для осуществления деятельности в сфере оказания косметических услуг, в виде мебели, электротехники, специального косметологического оборудования и продукции, иных вещей», пришел к выводу, что заключенный договор не является договором продажи предприятия, поскольку «предприятие как имущественный комплекс является объектом недвижимости, то есть подлежит регистрации в установленном порядке, к обороту данного объекта прав применяются соответствующие нормы, в частности установлены специальные требования к удостоверению состава продаваемого предприятия» [8].

Законодатель в силу прямого указания в ст. 132 ГК РФ признает предприятие как имущественный комплекс недвижимым имуществом, являющимся предметом соответствующего договора продажи предприятия. Особенностью государственной регистрации права собственности на такой объект недвижимого имущества как предприятие является ее осуществление после государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на каждый входящий в состав такого предприятия как имущественного комплекса объект недвижимости, в силу п. 2 ст. 46 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [9]. При этом, согласно п. 3 указанной статьи Закона, законодателем закреплена одновременность осуществления государственной регистрации перехода и ограничений права собственности, обременений предприятия с государственной регистрацией перехода права собственности и ограничений прав и обременений всех объектов недвижимости, входящих в состав такого предприятия.

Необходимость определенного установления подлежащего передаче по договору продажи недвижимости недвижимого имущества, которым является и предприятие как имущественный комплекс, выступающий объектом гражданского оборота, путем указания соответствующих данных в договоре закреплено в ст. 554 ГК РФ. Законодатель относит к таким данным, в том числе, данные, определяющие расположение недвижимости на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества. Как отмечает У. А. Махова, «при продаже земельного участка следует указать его местоположение (адрес), категорию земли, цели ее использования, общую площадь; при продаже земли, сооружений

и нежилых помещений — местоположение, наименование, назначение, площадь (в том числе жилую), этажность и другие параметры» [10, с. 371].

Говоря о необходимости определенности предмета по договору купли-продажи недвижимости, У. А. Махова подчеркивает, что такая необходимость означает «что на момент заключения договора продаваемая недвижимость должна существовать реально (физически), а права на нее должны быть зарегистрированы в государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [10, с. 371].

Суды также обращают внимание на факт государственной регистрации предприятия как имущественного комплекса, являющегося объектом недвижимого имущества, а также на необходимость однозначного установления предмета договора продажи предприятия. Так, в решении Володарского районного суда Нижегородской области от 19 октября 2017 г. по делу № 2–809/2017 истец обратился в суд с иском о признании права собственности на недвижимое имущество — железнодорожные пути, входящие в состав приобретенного истцом, по его мнению, имущественного комплекса промышленного назначения предприятий промышленности и строительства (технологический комплекс по переработке газового конденсата (нефти)).

Представитель ответчика возражал против иска, указав, что истец не приобретал имущественный комплекс, а приобрел только комплект оборудования МиниНПЗ (технологический комплекс по переработке газового конденсата (нефти)). Суд установил, что истец приобрел комплект оборудования МиниНПЗ (технологический комплекс по переработке газового конденсата (нефти)), а не имущественный комплекс, отметив отсутствие в ЕГРН сведений о государственной регистрации прав на объекты недвижимого имущества (в том числе железнодорожные пути, технологический комплекс по переработке газового конденсата), придя к выводу, что «технологический комплекс по переработке газового конденсата (нефти) нельзя признать недвижимым имуществом, в связи с тем, что данное имущество не прошло государственную регистрацию как объект недвижимого имущества», а, согласно договора купли-продажи имущества, истец приобрел не имущественный комплекс, а комплект оборудования.

Также судом отмечено отсутствие в договоре купли-продажи имущества данных, позволяющих определить подлежащее передаче по договору недвижимое имуще-

ство, поскольку «в договоре купли-продажи не имеется указания на адрес комплекса, также не имеется указаний на координаты земельного участка, на которых располагается указанное имущество, приобретенное по договору купли-продажи». Кроме того, суд отметил, что по договору купли-продажи имущества истцу не передавались индивидуализирующие предприятие виды имущества, перечисленные в ст. 132 ГК РФ [3].

Центральный районный суд г. Хабаровска в решении от 23 июня 2019 г. по делу № 2–3854/2018 также указывает на отсутствие в представленном договоре купли-продажи предприятия сведений, позволяющих определенно установить, какое именно предприятие, как имущественный комплекс, передано по рассматриваемому договору. Кроме того, суд отметил отсутствие регистрации за продавцом предприятия как имущественного комплекса на момент заключения соответствующего договора купли-продажи, «что свидетельствует об отсутствии предмета купли-продажи как такового, а также о несогласовании сторонами условий о предмете договора». Суд пришел к выводу, что «при указанных обстоятельствах спорный договор купли-продажи предприятия следует признать незаключенным» [11].

Таким образом, предприятие, как особый объект гражданского оборота, характеризуется комплексностью и взаимосвязанностью входящих в состав предприятия объектов гражданских прав, объединенных единой целью — осуществление предпринимательской деятельности и образующих воедино имущественный комплекс. Прямо отнесенное законодателем к недвижимому имуществу, предприятие характеризуется особенностью государственной регистрации на такой объект права собственности, его отчуждение, ограничение, обременения предприятия.

Суды при рассмотрении споров, относительно договора продажи предприятия обращают внимание на вид имущества, являющегося предметом соответствующего спорного договора и соответствие такого имущества характеру имущественного комплекса, являющегося недвижимым имуществом и подлежащим государственной регистрации. Также суды принимают во внимание факт государственной регистрации предприятия в целом как имущественного комплекса, выступающего предметом спорного договора. Кроме того, суд оценивает наличие в спорном договоре данных, позволяющих однозначно определить недвижимое имущество, подлежащее передаче.

Литература:

1. Невзгодина, Е. Л. Правовой режим предприятия как недвижимое имущество / Е. Л. Невзгодина. — Текст: непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2007. — № 2 (11). — С. 54–60.
2. Лаптева, А. М. Понятие «Имущественный комплекс» / А. М. Лаптева. — Текст: непосредственный // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 2. — С. 203–211.
3. Решение Володарского районного суда Нижегородской области от 19 октября 2017 г. по делу № 2–809/2017. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://clcl.li/DoJJU> (дата обращения: 16.04.2026).

4. Аношин, М. В. Соотношение понятий «Предприятие» и «Имущественный комплекс» / М. В. Аношин. — Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2008. — № 3. — С. 39–42.
5. Гущин, В. В. Юридическая конструкция предприятия как объекта гражданских прав / В. В. Гущин. — Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 11 (191). — С. 19–20.
6. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2024 № 16АП-1965/2024 по делу № А20-4307/2023. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://clc.li/jCKys> (дата обращения: 06.06.2026).
7. Решение Чернянского районного суда Белгородской области от 14 мая 2018 г. по делу № 2–115/2018. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://clc.li/OpFfi> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Решение Мегионского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 16 ноября 2025 г. по делу № 2–431/2025. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://clc.li/eimxj> (дата обращения: 02.06.2026).
9. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
10. Махова, У. А. Форма договора купли-продажи недвижимости и государственная регистрация перехода права собственности / У. А. Махова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 20 (519). — С. 370–372.
11. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 23 июня 2019 г. по делу № 2–3854/2018. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://clc.li/JHaYS> (дата обращения: 19.04.2026).

Сравнение правового регулирования вопросов самовольного строительства в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия

Пруцев Вячеслав Юрьевич, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (г. Москва)

В данной статье рассматриваются вопросы правового статуса объектов самовольного строительства и порядка их узаконивания. Сравнивается регулирование данного института в сфере гражданского права Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. Уделено внимание законодательным аспектам, возможности узаконивания объектов самовольного строительства, а также анализу правового регулирования вопросов, возникающих при рассмотрении дел, связанных с самовольным строительством.

Ключевые слова: объект самовольного строительства, спорный объект, объект недвижимого имущества, объект капитального строительства, право собственности, экспертиза, истец, суд.

Comparison of legal regulation of unauthorized construction in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany

Prutsev Vyacheslav Yurievich, applicant for the candidate of law degree (Moscow, Russia)

This article examines the issues related to the legal status of unauthorized construction objects and the procedure for their legalization. The regulation of this institution in the field of civil law in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany is compared. Attention is paid to legislative aspects, the possibility of legalizing unauthorized construction objects, as well as to the analysis of the legal regulation of issues arising in the consideration of cases related to unauthorized construction.

Keywords: unauthorized construction object, disputed object, real estate object, capital construction object, ownership right, expert examination, plaintiff, court.

Объекты самовольного строительства в Российской Федерации носят особый и сложный характер. Сложность заключается в том, что этими объектами нельзя распорядиться, они не порождают правовых последствий, кроме риска их сноса и санкций со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. В данной статье будут рассмотрены во-

просы правового регулирования объектов самовольного строительства в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия, а также сделан анализ правового регулирования и сравнение правовым норм этих двух стран.

В настоящее время законодательством Российской Федерации защищаются права добросовестных застройщиков, осуществивших возведение объектов самоволь-

ного строительства. Тем не менее, реализация застройщиком объекта самовольного строительства своих прав в части узаконивания объекта является сложной, а зачастую запутанной и противоречивой.

Действующее законодательство Российской Федерации определяет понятие объекта самовольного строительства. Статья 222 Гражданского кодекса РФ дает юридическое определение данного понятия: «самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки» [1].

Таким образом, критерии отнесения объекта к самовольному строительству:

- возведенный на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке;
- возведенный на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта;
- возведенный без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений;
- с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Данный перечень признаков самовольной постройки является исчерпывающим.

Аналогичные критерии закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» [2].

Таким образом, институт самовольного строительства в Российской Федерации закрепляет понятие самовольной постройки и критерии ее отнесения.

В ч. 3 ст. 222 Гражданского кодекса РФ закреплены основополагающие критерии признания права собственности на самовольную постройку [1]. Согласно указанной нормы права, «Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий:

- если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;

- если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;
- если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан [1].

Также необходимо учитывать, что для целей признания права собственности самовольная постройка должна отвечать требованиям, установленным Правилами землепользования и застройки, документации по планировке территории, обязательным требованиям к параметрам застройки, установленным на день обращения в суд.

Таким образом, законодатель в Российской Федерации закрепляет право на судебную защиту лица, осуществившего самовольное строительство, в части признания права собственности на самовольно возведенную постройку. Это право является одним из способов защиты прав, закрепленных в ст. 12 Гражданским кодексом Российской Федерации.

В Федеративной Республике Германия (далее по тексту — Германия) основные нормы, закрепляющие правовые аспекты, связанные с самовольными постройками, содержатся в Германском гражданском уложении (*das Bürgerliche Gesetzbuch*, далее по тексту — ГГУ) и Строительном кодексе Германии (*das Baugesetzbuch*, далее по тексту — СКГ).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, в отличие от Гражданского кодекса РФ, ни ГГУ ни СКГ не содержат полного понятия «объект самовольного строительства» либо «самовольная постройка». Также они не содержат отдельных статей, которые бы назывались «Самовольная постройка». При этом вопросы, связанные с возведением объектов капитального строительства с нарушениями, регулируются отдельными параграфами указанных кодексов.

ГГУ регулирует нормы, по своей сути относящие развитие событий к гражданско-правовому спору. Среди них можно выделить следующие нормы:

- параграф 903: «если постройка возведена на чужом земельном участке, собственник земли может требовать ее сноса» [3];
- параграф 908: «если земельному участку угрожает опасность причинения вреда вследствие обвала строения или иного сооружения, расположенного на соседнем земельном участке, собственник земельного участка может потребовать применения мер, необходимых для устранения опасности» [3];
- параграф 912: «если собственник земельного участка при возведении сооружения без умысла или грубой неосторожности с его стороны застроил часть соседнего земельного участка, то сосед в качестве компенсации выплачивается денежная рента» [3].

Таким образом, ГГУ регулирует вопросы, связанные с самовольным строительством, в ситуациях, когда один сосед посягает возведенной постройкой на права и интересы другого соседа. В случае более серьезных наруше-

ний, в сферу правового регулирования включается государственно-административный механизм, в лице СКГ.

Как было указано выше, СКГ тоже не содержит четкого понятия «самовольная постройка». Но он закрепляет последствия за конкретные нарушения, а также сами нарушения, при которых постройка может быть признана самовольной и подлежащей сносу.

Согласно нормам СКГ, постройка считается самовольной, если она возведена с существенным нарушением градостроительных, строительных и земельных норм и правил [4]. Сюда относится следующее:

- строительство без необходимого разрешения;
- нарушение параметров постройки: высота, отступы от границ земельного участка, нарушение правил застройки участка;
- нарушение требований вида разрешенного использования земельного участка, на котором возведена постройка;
- нарушение требований в части запрета строительства в охранной зоне;
- нарушение экологических, санитарных, противопожарных норм.

В случае выявления какого-либо из вышеуказанных нарушений органы строительного надзора запускают административную процедуру, которая выражается в следующем:

- владельцу земельного участка, на котором возведена постройка, направляют предписание. В нем требуют немедленного прекращения строительства (если объект еще не завершен) и в установленный срок устранить выявленное нарушение. Устранение выявленного нарушения может выражаться как в приведении постройки в соответствии с действующим законодательством (перепланировка, частичный демонтаж), так и снос постройки своими силами и за свой счет, о чем выдается предписание и дается срок на добровольное исполнение данного требования;
- если выявленные нарушения являются несущественными и устранимыми, предписанием на владельца возлагается обязанность о приведении постройки в соответствии с требованиями действующего законодательства;
- также на владельца может быть наложен денежный штраф на нарушение требований градостроительного законодательства при возведении постройки;

— если владелец не выполняет требования выданного предписания, органы власти обращаются в суд с заявлением о признании постройки самовольной и ее сносе.

Решение во всех вышеперечисленных случаях принимается индивидуально, с учетом тяжести выявленного нарушения, нарушения норм, возможности/невозможности устранения нарушений, добросовестности застройщика.

Снос самовольной постройки является самой строгой исключительной мерой. Снос возможен тогда, когда выявленные нарушения невозможно устранить без сноса постройки.

При этом застройщик также вправе обратиться с заявлением в суд о сохранении указанной постройки. Если им будет доказано, что он является добросовестным застройщиком, им устранены нарушения, что будет подтверждено независимой строительной экспертизой, а также то, что постройка может в дальнейшем эксплуатироваться без угрозы жизни и здоровью и нарушения прав третьих лиц, постройка будет сохранена.

Если в процессе рассмотрения дела в суде будет установлено, что выявленное нарушение является несущественным и устранимым, постройка будет сохранена, но на лицо, осуществившее строительство, будет возложена обязанность о приведении ее в соответствии с градостроительными нормами и об уплате штрафа.

Необходимо также отметить, что законодательство и России и Германии разделяют право собственности и право застройки. Собственник земельного участка, обладая правом владения, пользования и распоряжения данным участком, не приобретает безусловного права его застройки. Застройка участка возможна при наличии определенных условий: подготовки и согласования проекта планируемого к строительству объекта, получения в установленном законом порядке разрешения на строительство либо иного согласовательного документа органа власти и тд.

Таким образом, сравнивая законодательство России и Германии, можно сделать вывод, что правовое регулирование самовольного строительства осуществляется в данных странах на схожих принципах, как в части выявления, исключительности меры сноса, так и в части сохранения самовольной постройки и приведения ее в соответствии с нормами действующего законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 21.08.2026);
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 21.08.2026 г.);
3. Германское гражданское уложение от 01.07.1896 г. Вступило в силу 01.01.1900 г. (das Bürgerliche Gezezbuch) [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения 24.08.2026);
4. Строительный кодекс Германии. Вступил в силу 30.10.1960 г. (das Baugesetzbuch) [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения 25.08.2026).

Права и обязанности сторон по договору возмездного оказания консультационных услуг

Романова Альбина Маратовна, студент

Научный руководитель: Шагвалиев Рустем Минзагитович, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

В статье рассматриваются права и обязанности сторон по договору возмездного оказания консультационных услуг. Анализируются права заказчика: требовать возмещения убытков при одностороннем расторжении договора исполнителем, проверять ход и качество услуг, требовать уплаты неустойки, а также право на личное исполнение обязательства. Раскрываются обязанности заказчика: предоставлять необходимую информацию, создавать условия для исполнения договора, принимать и оплачивать услуги, своевременно вносить аванс. Отдельное внимание уделено обязанностям исполнителя: оказать услугу лично, качественно и в срок, соблюдать конфиденциальность, своевременно информировать заказчика об обстоятельствах, влияющих на исполнение. Обосновывается необходимость закрепления в главе 39 ГК РФ обязанности исполнителя по сохранению коммерческой тайны.

Ключевые слова: права заказчика, обязанности заказчика, права исполнителя, обязанности исполнителя, конфиденциальность, коммерческая тайна, личное исполнение, добросовестность.

Права и обязанности сторон по договору возмездного оказания консультационных услуг определяются главой 39 ГК РФ, а также условиями заключённого договора.

В гражданском законодательстве в главе 39 ГК РФ предусмотрены основные права и обязанности сторон, а именно: договор оказания возмездных консультационных услуг возлагает обязанность на исполнителя оказать услуги лично, если иное не предусмотрено действующим законодательством; основной обязанностью заказчика по договору возмездного оказания услуг является обязанность принять и оплатить Исполнителю оказанные услуги на условиях заключенного между ними договора. Однако если рассмотреть типовой шаблон договора возмездного оказания консультационных услуг, можно выделить права и обязанности, которые чаще всего включают в договор стороны, заключающие такой договор.

Так, к правам заказчика по договору возмездного оказания консультационных услуг, можно отнести следующие:

- требовать от исполнителя возмещения убытков, в случае одностороннего расторжения договора по инициативе исполнителя;
- проверять ход и качество оказываемой услуги, в том числе запрашивать промежуточные результаты;
- право требовать от исполнителя оказывать услуги лично, без привлечения третьих лиц.

Положения об обязанностях заказчика не нашли своего отражения в гражданском законодательстве, однако согласно сложившейся практике заключения договоров, к обязанностям заказчика можно отнести следующие:

- передавать исполнителю необходимую для оказания услуги информацию с момента получения письменного запроса исполнителя;
- перед началом оказания консультационной услуги заказчик обязан ознакомить исполнителя с техническим заданием или требованиями, которые необходимы к соблюдению при предоставлении результата оказанной услуги;

- принимать и оплачивать результаты оказанной консультационной услуги.

Обязанностью заказчика также является оплата дополнительной работы в рамках реализации договора возмездного оказания консультационных услуг, которая была согласована сторонами после заключения договора. Так, к примеру, заказчиком может быть расширен перечень вопросов, которые были поставлены перед исполнителем при подписании договора возмездного оказания консультационных услуг. Кроме обязанностей, перечисленных выше, заказчик должен создать исполнителю необходимые условия для надлежащего исполнения обязательства [4, с. 520]. В частности, он обязан предоставить документы, сведения, доступ к необходимой информации, а также обеспечить возможность взаимодействия с ответственными сотрудниками организации, если это предусмотрено характером оказываемых консультационных услуг. Непредоставление необходимых материалов либо несвоевременное представление информации может повлечь невозможность исполнения обязательства по вине заказчика. В таком случае применению подлежат положения п. 2 ст. 781 ГК РФ [1], предусматривающие обязанность заказчика оплатить услуги в полном объеме, если невозможность исполнения возникла по его вине. Необходимо отметить, что, если договором предусмотрено условие об авансовом платеже для начала выполнения работ в рамках оказываемой услуги, обязанностью заказчика будет также являться своевременное внесение авансового платежа. Заказчик также обязан добросовестно принять результаты оказанных консультационных услуг. Если договором предусмотрено оформление акта сдачи-приемки услуг, заказчик обязан либо подписать соответствующий документ, либо представить мотивированные возражения относительно качества, либо объема оказанных услуг. Судебная практика исходит из того, что уклонение заказчика от подписания акта без указания конкретных недостатков может свидетельствовать о злоупотреблении правом и не освобождает его от обязанности оплатить фактически оказанные услуги.

Независимо от вида консультационной деятельности исполнитель обязан предоставить заказчику объективную, достоверную и профессионально подготовленную информацию, соответствующую условиям договора [3, с. 194]

В этой связи, говоря о правах исполнителя в рамках заключенного договора возмездного оказания консультационных услуг, можно определить следующие права:

- привлекать к оказанию услуги третьих лиц по согласованию с заказчиком, а также в зависимости от положений договора;
- оказать услугу и сдать ее результат досрочно;
- запрашивать необходимые сведения для наиболее объективной и достоверной оценки в рамках оказываемой консультационной услуги.

В ГК РФ, как отмечалось ранее, также предусмотрено право исполнителя на односторонний отказ от выполнения договора при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Данным правом исполнитель может воспользоваться в том случае, если в процессе подготовки заключения исполнитель осознает, что не обладает достаточными навыками и компетенциями, чтобы надлежащим образом оказать услугу.

К обязанностям исполнителя по договору возмездного оказания консультационных услуг можно отнести следующие:

- исполнитель обязан оказать услугу в соответствии с согласованной ценой договора и придерживаясь сроков оказания услуг;
- соблюдение конфиденциальности принятой от заказчика информации, если данное условие предусмотрено договором;
- исполнитель вправе рассчитывать на получение от заказчика полной и достоверной информации, необходимой для оказания консультационных услуг.

Следует отметить, что обязанность исполнителя не включает достижение определенного экономического либо правового результата, если такая обязанность прямо не предусмотрена соглашением сторон. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель отвечает за надлежащее осуществление со-

гласованных действий, а не за эффективность решений, принятых заказчиком на основании полученных рекомендаций. Соответственно неудовлетворенность заказчика последствиями использования консультации сама по себе не свидетельствует о ненадлежащем исполнении обязательства. Исполнитель обязан соблюдать конфиденциальность информации, полученной от заказчика. Несмотря на отсутствие специальной нормы в главе 39 ГК РФ, эта обязанность вытекает из принципа добросовестности. Представляется необходимым закрепить её в ГК РФ, поскольку разглашение коммерческой тайны влечёт административную и гражданско-правовую ответственность [5, с. 360]. На взгляд автора, данное условие необходимо регламентировать в гражданском законодательстве именно в отношении договоров возмездного оказания консультационных услуг, поскольку разглашение коммерческой тайны также нередко служит основанием для последующих споров в рамках рассматриваемой категории договоров. Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 июня 2022 по делу N A04-8753/2021 указывается, что нарушение условий распространения коммерческой тайны, которое поспособствовало причинение убытков заказчику [2].

Исполнитель обязан своевременно информировать заказчика об обстоятельствах, влияющих на качество или сроки оказания услуг, что обусловлено принципом добросовестности [6, с. 103].

Таким образом, права и обязанности сторон по договору возмездного оказания консультационных услуг предполагают систему, основанную на принципах добросовестности. Исполнитель в рамках рассматриваемого вида договора обязан качественно и своевременно, а также следуя предоставленному заданию выполнить услугу и предоставить результаты, в свою очередь основная обязанность заказчика заключается в том, чтобы содействовать в рамках оказываемой консультационной услуги исполнителю и по итогам сдачи оплатить оказанную услугу. На взгляд автора, в главе 39 ГК РФ необходимо дополнительно отразить обязанность исполнителя не разглашать коммерческую тайну, представленную заказчиком для оказания услуг, поскольку данный вопрос все чаще поднимается в правоприменительной практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26 января 1996 г. (с изм. от 09 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 52. — Ст. 8425.
2. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 июня 2022 по делу N A04-8753/2021 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru/>, свободный.
3. Музаев Р. А. Договор возмездного оказания услуг как вид обязательств по оказанию услуг в гражданском праве России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2024. — № 1. — С. 194.
4. Сергеев А. П. Гражданское право: учебник в 2-х т. Т. 2 / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — С. 520.
5. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. — М., ВолтерсКлувер, 2022. — С. 360.
6. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974. — С. 103.

Проблемы наследования криптовалюты в Российской Федерации

Усачева Дарья Витальевна, студент

Научный руководитель: Кайль Янина Яковлевна, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются подходы к наследованию криптовалюты и проблемы, возникающие в ходе их реализации.

Ключевые слова: право наследования, криптовалюта, наследование криптовалюты, проблемы наследования.

Право наследования в российском гражданском праве регулируется Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) и другими федеральными законами. Оно представляет собой переход имущества умершего лица (наследника) к другим лицам (наследникам) в порядке, установленном законом или завещанием [3]. Данная система сложна и включает в себя обширный перечень объектов наследования, который иногда пополняется. Многие из объектов имеют свои особенности и нерешенные проблемы с их наследованием.

Так, к примеру, наследование криптовалюты и других цифровых активов в российском гражданском праве — это относительно новая и пока недостаточно урегулированная область. Действующее законодательство не содержит прямых норм, регулирующих наследование криптовалюты, что приводит к правовой неопределенности и проблемам на практике.

Основная сложность заключается в том, что криптовалюта не является ни имуществом в классическом понимании (например, недвижимость, автомобиль), ни ценной бумагой, ни денежными средствами в традиционном смысле. Она представляет собой запись на распределенной базе данных (блокчейне), которая подтверждает право владения определенным количеством криптовалюты. Это создает трудности в определении её правовой природы и порядка наследования.

Существует несколько подходов, которые применяются или предлагаются для решения проблемы наследования криптовалюты в России:

1. В виде имущественных прав. Гражданский кодекс РФ (ст. 128) не содержит прямого указания на криптовалюту как объект гражданских прав, но его положения допускают широкое толкование, включающее криптовалюту. Юридическая доктрина рассматривает криптовалюту как имущественное право, участвующее в гражданском обороте [2, с. 54]. Несмотря на конституционное право каждого гражданина на наследование (ст. 35 Конституции РФ) [4], Гражданский кодекс (ст. 1112 ГК РФ) включает в состав наследства только вещи и иное имущество, включая имущественные права. При этом, понятие «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ), включающее обязательственные и иные права, определяемые правилами информационных систем, может быть применено к криптовалюте, хотя и нуждается в более четком правовом определении в контексте наследования.

2. Наследование доступа к кошельку по закрытому завещанию (1126 ГК РФ). В случае, если наследодатель оставил доступ к своему криптокошельку (например, за-

писав seed-фразы или пароли), наследники могут претендовать на наследование цифровых активов путем получения доступа к этому кошельку. Можно также передать нотариусу на хранение непосредственно сам индивидуальный цифровой ключ к аккаунту на флеш-накопителе. Однако, этот подход также проблематичен, так как нет четкой правовой регламентации подобных действий. Споры о легитимности доступа могут возникнуть без доказательств воли наследодателя. Также проблемы возникают и в связи с оставлением подлинника завещания у нотариуса или с хранением у него флеш-накопителя, так как при этом существует угроза доступа иных лиц к криптоактивам [1, с. 83].

3. Наследование прав требования. Можно рассматривать криптовалюту как право требования к оператору блокчейна. В этом случае наследники могли бы наследовать это право требования. Однако, этот подход требует более четкого правового определения правоотношений между владельцем криптовалюты и оператором блокчейна.

В связи с этим существуют следующие проблемы и риски:

1. Доказательство права владения. Доказательство права собственности на криптовалюту может быть сложной задачей. Необходимо предоставить доказательства владения криптокошельком, истории транзакций и других фактов, подтверждающих право на криптовалюту.

2. Безопасность. Неправильное хранение seed-фраз или других данных для доступа к кошельку может привести к потере криптовалюты. Некоторые криптобиржи, не включая в свои пользовательские соглашения положения о наследовании криптовалюты, присваивают себе активы умерших пользователей по истечении определенного срока, на практике такое часто случается просто из-за неосведомленности самих наследников об аккаунте на криптобирже [1, с. 84].

3. Юридическая неопределенность. Отсутствие четких правовых норм по наследованию криптовалюты создает риски для наследников и может привести к затяжным судебным спорам. Так, к примеру, отсутствие доступа к личному ключу криптовалютного кошелька препятствует наследникам получить криптовалюту. Хотя суд может обязать третьих лиц (например, криптовалютные биржи) предоставить необходимые данные (ст. 57 ГПК РФ), такой судебный процесс сложен и длителен.

4. Изменение законодательства. Законодательство в области криптовалюты динамично меняется, что создает дополнительные риски для наследников.

Для решения проблем наследования криптовалюты необходимо уточнение её правового статуса и разработка специальных норм гражданского законодательства. Это может включать четкое определение криптовалюты как вида имущественных прав, установление порядка доказательства права владения, регулирование

наследования доступа к криптокошелькам и другие меры. Без такого регулирования риски потери криптовалюты при наследовании остаются значительными. В настоящее время ведется обсуждение различных вариантов правового регулирования цифровых активов в России, но окончательных решений пока не принято.

Литература:

1. Ушаков, Р. М., Проблемы наследования цифровой валюты / Р. М. Ушаков, В. Н. Гаврилов, М. С. Игошкин, Т. З. Тетрадзе. — Текст: электронный // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 2 (206). — С. 82–84. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-nasledovaniya-tsifrovoy-valyuty> (дата обращения: 17.12.2024).
2. Гаврилов, В. Н. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств / В. Н. Гаврилов, Р. М. Рафиков. — Текст: электронный // ВЭПС. — 2019. — № 1. — С. 51–59. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav-v-zakonodatelstve-rossii-i-ryada-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 17.12.2024).
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3): ФЗ от 26.11.2001 (с изм. на 8 августа 2024 года) / Российская Федерация. Законы. — Текст: непосредственный // Российская газета. — N 233. — 28.11.2001.
4. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (в ред. от 4 октября 2022 года) / Российская Федерация. Конституция (1993). Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. От 08.08.24) / Российская Федерация. Законы. — Текст: непосредственный // Российская газета. — N 137. — 27.07.2002.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Защита трудовых прав работников при возложении на них обязанностей по ведению воинского учета

Чудайкина Наталья Алексеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются особенности правового положения работников, на которых работодателем возлагаются обязанности по ведению воинского учета. Актуальность исследования обусловлена усилением публичных обязанностей организаций в сфере воинского учета и одновременно необходимостью соблюдения трудовых прав работников. Анализируются законодательство Российской Федерации и современная судебная практика по вопросам возложения обязанностей по воинскому учету, оплаты дополнительной работы и привлечения ответственных работников к административной ответственности. Обосновывается необходимость разграничения трудовой функции работника и дополнительных обязанностей по ведению воинского учета. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: воинский учет, работодатель, работник, трудовые права, трудовая функция, дополнительная работа, персональные данные, административная ответственность.

Введение

Современная система воинского учета представляет собой один из элементов механизма обеспечения обороны и безопасности государства. В соответствии с законодательством Российской Федерации организации обязаны осуществлять воинский учет работающих граждан, предоставлять необходимые сведения органам воинского учета, обеспечивать актуальность соответствующей информации и выполнять иные предусмотренные законодательством обязанности. [1].

В последние годы правовое регулирование рассматриваемой сферы существенно изменилось. Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ были внесены изменения в законодательство о воинской обязанности и военной службе, предусматривающие развитие государственной информационной системы и Реестра воинского учета. [2].

Одновременно Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 404-ФЗ были значительно увеличены размеры административных штрафов за нарушения законодательства о воинском учете. [3].

Однако усиление публичной составляющей воинского учета объективно порождает вопрос о границах допустимого вмешательства работодателя в сферу трудовых прав работников.

Целью настоящего исследования является определение правовых механизмов защиты работников при возложении на них обязанностей по ведению воинского учета.

1. Правовая природа обязанности работодателя по ведению воинского учета

Воинский учет обладает комплексной правовой природой. С одной стороны, он является элементом публично-правового механизма реализации воинской обязанности граждан. С другой стороны, его ведение непосредственно связано с трудовыми отношениями, поскольку значительный объем обязанностей по сбору и передаче сведений возлагается именно на организации.

Работодатель не становится органом государственной власти и не приобретает публично-властных полномочий в полном объеме, однако выполняет установленные законом обязанности по содействию реализации государственной функции воинского учета.

Обязанность работодателя по ведению воинского учета имеет публично-правовое происхождение, но реализуется посредством организационно-управленческих и трудовых отношений внутри организации. [4].

2. Возложение обязанностей по воинскому учету и изменение трудовой функции

Трудовая функция является одним из центральных элементов трудового договора. В силу статьи 57 Трудового кодекса Российской Федерации трудовая функция относится к обязательным условиям трудового договора. [4].

Статья 60 ТК РФ устанавливает общий запрет на требование от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, за исключением случаев, предусмотренных трудовым законодательством. [4].

Статья 60.2 ТК РФ предусматривает возможность поручения работнику дополнительной работы по другой или такой же профессии или должности с письменного согласия работника и за дополнительную оплату. [4].

Необходимо разграничивать ситуацию, когда обязанности по воинскому учету непосредственно связаны с трудовой функцией работника, и ситуацию, когда работнику поручается самостоятельный комплекс обязанностей, не входящий в первоначально установленную трудовую функцию.

Во втором случае речь должна идти о дополнительной работе, требующей соблюдения гарантий, установленных трудовым законодательством.

3. Позиция судебной практики

Показательным является решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 17 марта 2025 г. по делу № 2–321/2025. [8].

В указанном деле работница занимала должность юрисконсульта, однако работодатель поручил ей организацию воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе.

Суд установил факт выполнения дополнительной работы и пришел к выводу, что работа по ведению воинского учета не является близкой по содержанию работе юрисконсульта. В связи с этим такая работа должна быть оплачена дополнительно в порядке, предусмотренном статьями 60.2 и 151 ТК РФ.

С работодателя была взыскана задолженность по оплате дополнительной работы в размере 59 119,52 руб., компенсация за задержку выплаты заработной платы — 9 770,30 руб., а также компенсация морального вреда — 10 000 руб.

Другой значимой категорией судебных дел являются дела об административной ответственности ответственных лиц. В деле № 12–11/2024 суд исследовал вопрос о том, доказано ли возложение обязанностей по воинскому учету на конкретного работника. [10].

4. Проблема оплаты работы по ведению воинского учета

На практике обязанности по воинскому учету нередко возлагаются на кадровых работников, специалистов по персоналу, юрисконсультов или иных сотрудников без изменения трудового договора.

Если работник выполняет комплекс самостоятельных обязанностей, связанных с ведением воинского учета, которые ранее не входили в его трудовую функцию, необходимо соблюдать требования статьи 60.2 ТК РФ.

Представляется необходимым закрепить правило, согласно которому возложение на работника обязанностей по ведению воинского учета, выходящих за пределы его трудовой функции, допускается только при наличии письменного согласия работника и установлении дополнительной оплаты.

5. Защита персональных данных работников при ведении воинского учета

Документы воинского учета содержат значительный объем сведений о гражданине. Следовательно, работодатель при ведении воинского учета фактически осуществляет обработку персональных данных.

Наличие обязанности передавать сведения государственным органам не освобождает работодателя от обя-

занности обеспечить их сохранность, ограничить доступ к ним и исключить использование информации в целях, не связанных с воинским учетом.

Целесообразно закрепить в локальных нормативных актах организации специальный порядок обработки документов воинского учета, предусматривающий перечень лиц, имеющих доступ к сведениям, цели обработки, порядок хранения и передачи сведений и меры по предотвращению несанкционированного доступа.

6. Проблема отказа в приеме на работу при отсутствии документов воинского учета

Судебная практика по данному вопросу остается неоднородной. Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 1 июля 2025 г. № 8Г-15827/2025 рассматривал спор об отказе в приеме на работу в связи с непредставлением военного билета. [7].

Вместе с тем Свердловский областной суд в определении от 4 мая 2022 г. № 33–4871/2022 исходил из отсутствия самостоятельного основания для отказа в приеме на работу в связи с отсутствием военного билета.

Представляется, что существующая неопределенность нуждается в устранении. Сам факт отсутствия документа воинского учета не должен автоматически означать невозможность заключения трудового договора, если законодательство не устанавливает запрет на занятие соответствующей должности.

7. Предложения по совершенствованию законодательства

Предлагается:

- 1) нормативно закрепить обязанность работодателя определять конкретный перечень функциональных обязанностей лица, ответственного за воинский учет;
- 2) установить, что возложение на работника обязанностей по ведению воинского учета, выходящих за пределы его трудовой функции, допускается только при наличии письменного согласия работника и установлении дополнительной оплаты;
- 3) установить минимальные требования к локальному нормативному акту организации о ведении воинского учета;
- 4) нормативно закрепить гарантии защиты персональных данных, полученных работодателем в связи с ведением воинского учета;
- 5) устранить неопределенность в вопросе о последствиях отсутствия у соискателя документов воинского учета при приеме на работу.

Заключение

Современное правовое регулирование воинского учета характеризуется усилением публичных обязанностей работодателя и расширением информационного взаимодействия между организациями и государственными органами.

Однако выполнение работодателем публичных функций не должно приводить к ограничению трудовых прав работников.

Если ведение воинского учета не входит в трудовую функцию работника и поручается ему дополнительно, должны применяться положения статей 60.2 и 151 ТК РФ. Работник должен быть надлежащим образом уведомлен о содержании дополнительной работы, дать письменное согласие и получать соответствующую доплату.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в рассмотрении воинского учета не только как элемента системы воинской обязанности граждан, но и как особого вида деятельности работодателя, реализация которой непосредственно затрагивает трудовые, информационные и имущественные права работников.

Литература:

1. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.
2. Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 16. — Ст. 2882.
3. Федеральный закон от 31.07.2023 № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 31. — Ст. 5794.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
5. Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 49 (ч. II). — Ст. 5220.
6. Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 № 700.
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2025 № 8Г-15827/2025 г.
8. Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 17.03.2025 по делу № 2–321/2025 г.
9. Решение по делу № 21–349/2024 от 16.05.2024 г.
10. Решение по делу № 12–11/2024 от 07.02.2024 г.
11. Логинова, Ю. Е. Организация и постановка граждан на воинский учет / Ю. Е. Логинова, А. А. Перепочаев // Молодой ученый. — 2021. — № 17 (359). — С. 195–198.
12. Николаев В. С., Кагазеев Р. Б. Процесс установления фактов правонарушения в сфере ведения воинского учета и виды наказаний // Вопросы права. 2024.
13. Петров А. Я. Защита трудовых прав: история, теория и практика. М.: Юрайт, 2023.
14. Буянова, М. О. Защита социально-трудовых прав. Теоретико-правовой аспект: монография / М. О. Буянова. — Москва: Юрайт, 2023.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Проблемы признания юридического лица субъектом преступления

Куликов Даниил Валерьевич, студент магистратуры

Воронежский экономико-правовой институт

Статья посвящена анализу дискуссионного в отечественной уголовно-правовой науке института уголовной ответственности юридических лиц. Рассмотрены исторические этапы становления доктрины в англосаксонской и континентальной правовых системах, проанализированы основные аргументы сторонников и противников её введения в России, а также ключевая теоретическая проблема применения конструкции вины к коллективному субъекту. Уделено внимание перспективам развития института в условиях цифровизации и распространения искусственного интеллекта, сформулированы предложения по реформированию Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, корпоративная вина, субъект преступления, субъект уголовной ответственности, англосаксонское право, континентальное право, искусственный интеллект, реформа уголовного законодательства.

Введение

Вопрос о возможности признания юридического лица субъектом преступления на протяжении длительного времени остаётся одним из наиболее дискуссионных в уголовно-правовой науке [15, с. 6]. Развитие экономики и транснациональный характер многих противоправных деяний поставили проблему привлечения к ответственности именно организаций, в интересах которых совершаются преступления.

Актуальность темы обусловлена тем, что деятельность юридических лиц в современном обществе зачастую сопряжена с повышенными рисками совершения преступлений в различных сферах, тогда как ограничение ответственности рамками физических лиц не всегда позволяет эффективно противостоять данным видам преступных проявлений. В российском уголовном праве юридическое лицо официально не признаётся субъектом преступления, что обуславливает необходимость научного анализа как аргументов «за», так и возражений «против» введения подобного института.

Целью настоящей статьи является анализ теоретических и практических проблем, связанных с признанием юридического лица субъектом преступления, а также определение перспектив развития соответствующего института в отечественном праве.

Становление доктрины корпоративной уголовной ответственности в англосаксонской правовой системе

Традиционно уголовное право исходило из классической доктрины, согласно которой субъектом преступления может быть только физическое лицо, обладающее сознанием и волей, то есть способное к совершению виновного деяния. В начальной стадии своего развития кор-

порации в Англии могли учреждаться исключительно посредством королевской грамоты либо акта парламента; первыми организациями, получившими статус корпораций, были церковные объединения, а позднее муниципальные образования, ремесленные и торговые гильдии, ставшие прообразом современных коммерческих корпораций [5, с. 4]. Исторически первой корпорацией, официально признанной на основании королевской грамоты, стала гильдия ткачей, получившая соответствующий документ от Генриха II в 1155 году [6].

Уже в конце XVII века начинают формироваться элементы теории корпоративного поведения: прецедент 1682 года по делу *The King v. City of London* закрепил возможность привлечения корпорации к ответственности за действия её представителей, заложив основу концепции агентской ответственности. Вместе с тем на протяжении длительного времени идея уголовной ответственности корпораций за умышленные преступления отвергалась: до XIX века господствовал принцип *societas delinquere non potest*, а лорд-канцлер Эдвард Терлоу метко заметил, что «у корпорации нет ни души, чтобы её проклясть, ни тела, чтобы его пнуть» [8].

Переломным моментом стало решение Верховного суда США по делу *New York Central & Hudson River Railroad Co. v. United States* (1909 г.) [9]. Железнодорожная компания предоставляла крупному клиенту незаконные скидки в обход опубликованных тарифов; суд отклонил доводы защиты о том, что корпорация не может отвечать за действия своих агентов, указав, что освобождение организаций от ответственности привело бы к безнаказанности. Именно это решение сформировало основу современной доктрины *respondeat superior*, согласно которой

корпорация отвечает за действия сотрудников, если те действовали в рамках трудовых обязанностей и хотя бы отчасти в интересах работодателя [10, с. 86].

В дальнейшем американская практика выработала доктрину «коллективного знания» (collective knowledge doctrine), позволяющую объединять знания разных сотрудников компании для установления преступного умысла корпорации как субъекта и тем самым исключаящую уход от ответственности через формальное распределение обязанностей. В Великобритании же ключевую роль играет доктрина идентификации (identification doctrine), согласно которой ответственность организации наступает при совершении преступления «управляющим разумом» компании. С ростом и усложнением структуры крупных корпораций эта доктрина стала вызывать обоснованную критику, поскольку полномочия в них зачастую децентрализованы, что затрудняет установление конкретного «управляющего разума». Принятый в 2023 году Economic Crime and Corporate Transparency Act (ECCTA) расширил круг субъектов, за действия которых отвечает организация, включив в него «старших менеджеров», и ввёл новый состав «неспособность предотвратить мошенничество» (failure to prevent fraud), что свидетельствует о продолжающемся расширении корпоративной ответственности в англосаксонской системе.

Континентальная модель: от полного отрицания к квазиуголовной ответственности

Континентальная (романо-германская) правовая система изначально строилась на принципе *societas delinquere non potest*, поскольку виновность традиционно связывалась исключительно с физическим лицом. Ситуация начала меняться к концу XX века под влиянием международных правовых стандартов и экономических трансформаций. Франция стала одной из первых континентальных стран, включивших в новый Уголовный кодекс 1992 года норму о возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности (ст. 121–2) [11]: организация отвечает, если преступление совершено её органом или представителем в интересах компании, а наказания включают штрафы, запреты на деятельность и даже принудительную ликвидацию [12, с. 180].

Иной путь избрала Германия, где, как отмечают Т. Ф. Миняева и А. В. Серебренникова, ответственность юридических лиц носит «квазиуголовный» характер [13, с. 151]: она регулируется прежде всего Законом о нарушениях общественного порядка (Gesetz über Ordnungswidrigkeiten, OWiG), а не собственно уголовным законодательством, и не влечёт судимости, хотя выполняет схожие превентивные функции. Похожая конструкция применяется и в Австрии, где прямая уголовная ответственность юридических лиц не предусмотрена, однако организация, обогатившаяся вследствие преступления физического лица, обязана выплатить денежную сумму, равную величине неосновательного обогащения [14]. Аналогичный «квазиуголовный» статус характерен для Италии и Швеции. Таким образом, институт корпоративной ответственности в континентальной Европе

прошёл путь от абсолютного непризнания организаций субъектами права к их фактическому включению в систему санкционного воздействия, пусть и не всегда напрямую через уголовное законодательство.

Аргументы «за» и «против» введения уголовной ответственности юридических лиц в России

В пользу введения уголовной ответственности юридических лиц в отечественной науке выступают, в частности, А. В. Наумов, А. С. Никифоров, С. Г. Келина, В. С. Устинов, аргументируя это тем, что деятельность организаций связана с повышенной опасностью для правоохраняемых интересов и способна причинять вред, многократно превышающий вред от действий отдельных физических лиц, данный факт, к слову, официально признан Конституционным Судом Российской Федерации [4]. Экономические аргументы указывают на несоразмерность гражданско-правовых и административных санкций подобным деяниям [17, с. 273]; правовые на пробел, возникающий из-за того, что за преступления, совершённые в интересах крупных компаний, отвечают лишь отдельные, зачастую не самые высокопоставленные сотрудники [16, с. 141]. Социальные аргументы связывают уголовную ответственность организаций с ростом общественного доверия к экономическим институтам, а нормативные с необходимостью гармонизации с международными стандартами: так, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции прямо обязывает государства-участники устанавливать ответственность юридических лиц за коррупционные преступления [1].

Показательна статистика: институт уголовной ответственности юридических лиц введён в 80 из 193 государств членов ООН, то есть примерно в 41% стран, при этом случаев отказа от данного института в современной практике не зафиксировано, а большинство таких государств обладают развитой рыночной экономикой. Это позволяет утверждать, что вопрос стоит в плоскости выбора конкретной модели регулирования.

Вместе с тем критический анализ выявляет ряд системных проблем. Прежде всего следует различать понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», на чём настаивал Б. В. Волженкин [19, с. 24]: субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, тогда как субъектом уголовной ответственности в принципе может выступать и юридическое лицо. Однако центральная теоретическая трудность заключается в конструкции вины. В соответствии со ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние [3], а вина традиционно понимается как психическое отношение лица к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности [22, с. 368]. Организация как искусственно созданная правовая форма лишена индивидуального сознания и способности к саморефлексии, в связи с чем использование категории «субъективные признаки» применительно к юридическому лицу признаётся рядом авторов

методологически некорректным [23, с. 149]. При существующем нормативном подходе применение классического понятия вины к юридическому лицу невозможно, что исключает возможность квалификации его действий как уголовно наказуемого деяния.

Дополнительные возражения связаны с риском злоупотреблений: недобросовестные руководители могут «перекладывать» личную вину на управляемую организацию, а привлечение к ответственности одновременно и юридического, и физического лица порождает сомнения с точки зрения принципа недопустимости двойного наказания за одно и то же деяние. Наконец, как отмечает Е. В. Щелконогова, действующее законодательство не определяет виды уголовных наказаний для юридических лиц [20, с. 63], а меры, которые теоретически могли бы к ним применяться, штраф и запрет на определённую деятельность, уже реализуются в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]: так, ст. 19.28 КоАП РФ предусматривает штраф в стократном размере суммы незаконного вознаграждения. Это ставит под вопрос целесообразность дублирования уже действующих административных механизмов, хотя и не снимает проблему их несоразмерности отдельным особо тяжким деяниям [21, с. 428].

Перспективы развития института в условиях цифровизации

Особую актуальность проблема субъекта уголовной ответственности приобретает в связи со стремительным развитием технологий искусственного интеллекта и автономных цифровых систем. Традиционное уголовное право, исходящее из понимания преступления как виновного деяния физического лица, сталкивается с трудностями в правовой оценке ситуаций, когда решение фактически принимается автономной системой на основе самообучения, без непосредственного участия человека. Наиболее распространённая в литературе позиция состоит в том, что ответственность должны нести лица, влияющие на создание и эксплуатацию таких систем, разработчики, операторы, владельцы и пользователи [24, с. 197]; аналогичный подход закреплён в ст. 28 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте [25]. Однако в условиях высокой автономности систем установить причинно-следственную связь между действиями конкретного человека и наступившими последствиями зачастую невозможно.

В этом контексте введение уголовной ответственности юридических лиц разработчиков и производителей технологий могло бы стать одним из инструментов справедливого распределения ответственности, поскольку именно организации обладают ресурсами и механизмами

внутреннего контроля, позволяющими предотвращать причинение общественно опасного вреда. Для реализации данной концепции представляется целесообразной системная реформа Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, включающая: закрепление в ст. 5 УК РФ критерия виновности юридического лица через категорию непринятия достаточных мер по соблюдению правовых норм либо недостаточного контроля со стороны органов управления; дополнение ст. 19 УК РФ положением о юридическом лице как субъекте ответственности за деяния, совершённые в его интересах органами управления или уполномоченными сотрудниками; введение принципа «параллельной ответственности», не исключающего личной уголовной ответственности физического лица; а также закрепление в ст. 43–45 УК РФ целей наказания и системы санкций для организаций (штраф, лишение лицензии, запрет на участие в закупках, конфискация имущества, судебный надзор, принудительная реорганизация или ликвидация).

Наиболее реалистичным представляется поэтапный путь реформирования, введение ответственности первоначально для узкого круга особо опасных преступлений в сфере экономики, коррупции и экологии с последующим расширением сферы применения института по мере накопления правоприменительной практики и выработки надёжных критериев корпоративной вины.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что институт уголовной ответственности юридических лиц прошёл длительный путь трансформации от полного отрицания возможности привлечения организаций к уголовной ответственности до признания их полноправными участниками уголовно-правовых отношений в большинстве развитых государств. Российское уголовное право по-прежнему исходит из классической доктрины, согласно которой субъектом преступления может быть только физическое лицо, что порождает существенный пробел в противодействии корпоративной и, в перспективе, «цифровой» преступности.

Введение соответствующего института требует глубокого переосмысления конструкции состава преступления, в первую очередь, категории вины применительно к коллективному субъекту. Поэтапный подход к реформированию Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, учитывающий как аргументы сторонников, так и обоснованные возражения противников данной идеи, позволит адекватно ответить на вызовы современной экономики и цифровой трансформации общества, не нарушая при этом фундаментальных принципов отечественного уголовного права.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции. — Текст: электронный // Организация Объединённых Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.09.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. — Текст: электронный // pravo.gov.ru: [сайт]. — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. — Текст: электронный // pravo.gov.ru: [сайт]. — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2026).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 КоАП РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1308-О. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154905/ (дата обращения: 16.09.2026).
5. Wong K. Breaking Cycle: the Development of the Corporate Criminal Liability. — Текст: электронный — URL: <https://www.otago.ac.nz/law/research/journals/otago041733.pdf> (дата обращения: 16.09.2026).
6. The Early History of the English Woollen Industry. — Текст: электронный — URL: <https://www.jstor.org/stable/2696712> (дата обращения: 15.09.2026).
7. Criminal Liability of Corporations and Other Groups. — Текст: электронный — URL: https://rdo-olr.org/wp-content/uploads/2018/01/olr_9.1_Leigh.pdf (дата обращения: 14.09.2026).
8. «No Soul to Damn: No Body to Kick»: An Unscandalized Inquiry into the Problem of Corporate Punishment. — Текст: электронный // JSTOR: [сайт]. — URL: <https://www.jstor.org/stable/1288201> (дата обращения: 16.09.2026).
9. New York Central & Hudson River Railroad Co. v. United States, 212 U. S. 481 (1909). — Текст: электронный // Justia U.S. Supreme Court Center: [сайт]. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/212/481/> (дата обращения: 16.09.2026).
10. Голованова, Н. А. Корпоративная ответственность: трансформация уголовно-правового регулирования / Н. А. Голованова. — Текст: непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2022. — № 2. — С. 82–96.
11. Уголовный кодекс Франции. — Текст: электронный // Библиотека Пашкова: [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 16.09.2026).
12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. — М.: Юстицинформ, 2016. — 580 с. — Текст: непосредственный.
13. Минязева, Т. Ф. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы / Т. Ф. Минязева, А. В. Серебrenникова. — Текст: непосредственный // Lex Russica. — 2017. — № 2 (123). — С. 147–154.
14. Уголовный кодекс Австрии. — Текст: электронный — URL: <https://search.rsl.ru> (дата обращения: 16.09.2026).
15. Рарог, А. И. Уголовное право России: учебник. Части Общая и Особенная / А. И. Рарог. — 3-е изд. — М.: Проспект, 2020. — 1345 с. — Текст: непосредственный.
16. Хряпко, В. А. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против / В. А. Хряпко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 8 (403). — С. 140–142.
17. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. — 2-е изд. — М.: Статут, 2016. — 864 с. — Текст: непосредственный.
18. Артемов, В. Ю. К вопросу о возможности введения в России уголовной ответственности и уголовных наказаний юридических лиц (сравнительный аспект) / В. Ю. Артемов. — Текст: непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 5 (66). — С. 21–25.
19. Волженкин, Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б. В. Волженкин. — СПб., 1998. — 37 с. — Текст: непосредственный.
20. Щелконогова, Е. В. Система общей части Уголовного кодекса РФ / Е. В. Щелконогова. — Текст: непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. — 2020. — № 1 (56). — С. 62–70.
21. Красовская, О. Ю. Ответственность юридических лиц как способ противодействия организованной преступности / О. Ю. Красовская, О. В. Кибиткина. — Текст: непосредственный // Теория и практика расследования преступлений: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2022. — С. 427–428.
22. Дьяконова, Д. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / Д. И. Дьяконова. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 24. — С. 364–371.
23. Щелконогова, Е. В. Состав преступления как система / Е. В. Щелконогова. — Текст: непосредственный // Правовая парадигма. — 2020. — № Т. 19. № 1. — С. 146–150.
24. Гайворонская, Я. В. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2020. — № 9. — С. 196–203.
25. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. — Текст: электронный // robopravo.ru: [сайт]. — URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 13.09.2026).

Проблемы определения специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 172.4 УК РФ

Мустафина Алина Айратовна, студент

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В статье исследуются признаки специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 172.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор анализирует риски ошибочной квалификации из-за размытости формулировки «лицо, действующее в интересах кредитора». Для устранения правовой неопределенности предложено дополнить статью законодательным примечанием, конкретизирующим юридический статус взыскателя.

Ключевые слова: статья 172.4 УК РФ, специальный субъект, возврат задолженности.

Введение

Статья 172.4, устанавливающая ответственность за незаконный возврат просроченной задолженности физических лиц, включена в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в 2023 году. [1] Ее принятие обусловлено значительной закредитованностью граждан и ростом частных организаций, чьи сотрудники нередко используют незаконные методы взыскания. Разделяя позицию В. А. Попенкова, отметим, что прежняя нормативная база не позволяла в полной мере пресекать преступные посяательства со стороны коллекторских агентств, в связи с чем принятые изменения видятся своевременными и обоснованными [5, с. 117].

Однако в доктрине и правоприменении существует исследовательский разрыв. Формулировка «лицо, действующее в интересах кредитора» порождает неопределенность. На практике это приводит к сложностям при доказывании связи исполнителя с банком и отграничении от смежных преступлений. Мы выдвигаем гипотезу о том, что введение нормативного примечания к ст. 172.4 УК РФ, закрепляющего статус лица через трудовой или гражданско-правовой договор, устранил риски неоднозначного толкования нормы. Цель исследования — выработка комплексного представления об особенностях субъекта, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ.

Методы. В основу исследования легли формально-юридический (анализ текста уголовного законодательства) и сравнительный методы, а также методы правового моделирования гипотетических ситуаций и разработки авторского законодательного примечания.

Результаты и обсуждение. Систематизируем подходы ученых к определению круга лиц, охватываемых рассматриваемой нормой. В рамках ст. 172.4 УК РФ законодатель включает в круг субъектов преступления кредиторов, работников банковских и микрофинансовых структур, а также лиц, осуществляющих профессиональную коллекторскую деятельность или действующих в их интересах [1].

Исполнитель обязательно должен обладать особым правовым статусом в сфере финансово-кредитных отношений или деятельности по возврату долгов. В данном контексте субъект рассматриваемого преступления полностью подпадает под классическое определение, согласно которому «специальный субъект преступления — это лицо, которое помимо общих признаков, определяющих его как физическое, вменяемое и достигшее

определенного возраста, обладает еще и специальными (дополнительными) признаками, предусмотренными в диспозиции уголовно-правовой нормы (или вытекающими из нее), с использованием или в силу наличия которых лицо и совершило данное преступление» [6, с. 25]. Логика рассуждений В. А. Попенкова наглядно демонстрирует, что лицо, принимающее на себя функции по взысканию долга, становится полноценным участником этих отношений, и, следовательно, приобретает статус специального субъекта уголовной ответственности [5, с. 119].

Установить этот статус правоприменителю непросто, так как рассматриваемая норма является бланкетной: необходимо обращаться к документам из смежных отраслей права. Однако возникают сложности при доказывании зависимости виновного лица от кредитора. Например, если звонки поступают с неофициальных или скрытых сим-карт, крайне трудно подтвердить, что субъект действовал в интересах конкретного банка, а не по личной инициативе. Как справедливо отмечают в своем исследовании В. А. Осипов и А. С. Туманов, полноценная судебная практика в данной сфере формируется с трудом, а уголовные дела часто приостанавливаются из-за невозможности установить конкретное лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого [4, с. 44].

Мы солидарны с мнением А. А. Коренной о том, что диспозиция ст. 172.4 УК РФ излишне казуистична (в частности, из-за оборота «в том числе»), что может заметно усложнять квалификацию на практике [3, с. 123]. Однако предложение автора изменить признаки субъекта по аналогии с нормами административного законодательства, сведя их к формулировке «кредитор или лицо, действующее в его интересах», видится нам дискуссионным. Подобные общие конструкции традиционно используются в охранительных правоотношениях некриминального характера. На наш взгляд, ст. 172.4 УК РФ действительно нуждается в разгрузке от лишних словесных конструкций, но сокращать ее до административно-правовых рамок нельзя — формулировка специального субъекта должна оставаться развернутой и конкретной, чтобы следствие и суд точно понимали, кого именно привлекать к строгой ответственности.

Вместе с тем, при анализе диспозиции нормы обнаруживается логическое противоречие, связанное с использованием оборота «лицо, действующее в интересах кредитора». На наш взгляд, здесь кроется неопределен-

ность, поскольку ни в самом УК РФ, ни в профильном Федеральном законе № 230-ФЗ не приводится четкого толкования данного понятия.

Буквальное прочтение формулировки «в интересах кредитора» неоправданно размывает границы специального субъекта, а следовательно, нарушает принцип правовой определенности. Из-за такой абстрактности сложно провести грань с вымогательством (ст. 163 УК РФ), где у виновного нет прав на имущество, и самоуправством (ст. 330 УК РФ), при котором право требования есть, но нарушается законный порядок его возврата. В конечном счете, общественная опасность по ст. 172.4 УК РФ заключается именно в криминальных способах воздействия — угрозах насилия, уничтожением имущества или распространением порочащих сведений.

Чтобы проиллюстрировать эту проблему, приведем гипотетическую ситуацию: «Гражданин имеет просроченную задолженность перед микрофинансовой организацией. Брат руководителя организации случайно узнает о долге и по личной инициативе направляет должнику сообщения с угрозами насилия, не имея поручений или доверенности». Формально такое лицо действует ради извлечения выгоды в интересах кредитора. Но по факту это посторонний гражданин, полностью оторванный от легального рынка взыскания. Логично, что привлекать его к ответственности нужно как общего субъекта — за вымогательство. Однако размытые формулировки статьи

172.4 УК РФ создают риск ошибочного вменения этого специального состава лицу, которое не обладает официальным статусом коллектора или кредитора.

Для устранения указанной двусмысленности дополним ст. 172.4 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. Под лицом, действующим в интересах кредитора (взыскателя) в настоящей статье, понимается физическое лицо, уполномоченное на совершение действий, направленных на возврат просроченной задолженности, трудовым или гражданско-правовым договором, доверенностью либо иным законным представительством».

Такое изменение позволит провести четкую грань между специальным субъектом ст. 172.4 УК РФ и общим субъектом смежных составов преступлений, что исключит риски неоднозначного толкования нормы.

Заключение. Таким образом, субъект данного преступления является специальным и относится к категории сложно-доказуемых в силу бланкетного характера нормы, требующей отсылки к смежным отраслям права. Анализ показывает, что понимание субъекта ст. 172.4 УК РФ как лица с исключительными полномочиями в сфере взыскания противоречит размытой формулировке «в интересах кредитора». Предложенное примечание устранил этот разрыв и обеспечит защиту прав граждан.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“» от 03.07.2016 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27 (часть I). — Ст. 4163.
3. Коренная, А. А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности (Статья 172.4 УК РФ) / А. А. Коренная // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2024. — № 4 (106). — С. 119–126. — EDN ITFCHL.
4. Осипов, В. А. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: основание уголовной ответственности и вопросы правоприменения / В. А. Осипов, А. С. Туманов // Научные исследования преступления и наказания. — 2025. — № 4 (4). — С. 39–46. — EDN PWSKHA.
5. Попенков, А. В. Специальный субъект незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Понятие и признаки / А. В. Попенков // Судебная экспертиза и исследования. — 2025. — № 2. — С. 115–120. — EDN UDKOFN.
6. Сенцов, А. С. Субъект преступления в российском уголовном праве: учебное пособие / А. С. Сенцов, В. А. Волколупова, В. Г. Волколупов. — Волгоград: РАНХиГС, 2024. — 58 с. — EDN AJHKVT.

Трасология в XXI веке: новые горизонты научной самостоятельности

Шевлякова Екатерина Петровна, студент магистратуры

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Воронеж)

В статье исследуются предпосылки и перспективы выделения трасологии из состава криминалистической науки в самостоятельную область научного знания. Анализируется историческое развитие трасологии, её текущее положение как прикладного раздела криминалистики, а также раскрываются аргументы в пользу обретения ею автономии. Особое внимание уделяется новым вызовам и горизонтам, возникшим в XXI веке, таким как цифровые и наноследы, использование искусственного интеллекта и расширение междисциплинарных связей, что требует переосмысления теоретико-методологических основ трасологии и признания её как фундаментальной науки о следах.

Ключевые слова: трасология, криминалистика, научная самостоятельность, цифровая трасология, нанотрасология, искусственный интеллект, теория следов, междисциплинарность.

Трасология, традиционно рассматриваемая как один из важнейших разделов криминалистической техники, изучает теоретические основы и закономерности образования, обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов в целях раскрытия и расследования преступлений. На протяжении десятилетий её развитие было неразрывно связано с потребностями правоохранительной деятельности. Однако стремительное развитие научно-технического прогресса, появление новых видов следов (цифровых, наноразмерных) и расширение сфер применения следоведения за пределы юриспруденции ставят вопрос о необходимости переосмысления статуса трасологии. Настоящая статья посвящена анализу аргументов в пользу обретения трасологией научной самостоятельности и выявлению новых горизонтов её развития.

История трасологии как систематизированного знания о следах берёт начало в конце XIX — начале XX века с работ А. Бертильона, Г. Гросса, Р. А. Рейсса и других пионеров криминалистики. Французский криминалист Эдмон Локар сформулировал в начале XX века принцип обмена веществ: «Каждый контакт оставляет след» [1, 384]. Её формирование происходило в рамках общей теории криминалистики, которая нацелена на разработку средств, приёмов и методов обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и использования доказательств. Основной акцент всегда делался на криминальный след — отпечаток, оставленный в результате преступного деяния или связанный с ним.

Признавая неограниченный вклад трасологии в развитие криминалистики и борьбу с преступностью, важно отметить, что её развитие в рамках лишь одной прикладной науки начало сдерживать потенциал. Предмет исследования трасологии — след — по своей природе шире, чем только криминальный след, и закономерности его образования универсальны для многих сфер человеческой деятельности и естественных процессов.

XXI век принёс с собой кардинальные изменения в научно-технической сфере, что открывает новые горизонты и ставит амбициозные задачи перед трасологией.

Цифровые и виртуальные следы: Развитие информационных технологий породило абсолютно новый вид следов — цифровые. Это метаданные файлов, IP-адреса,

история браузера, GPS-координаты, электронные подписи и многое другое. Эти следы не имеют материального отображения в традиционном смысле, но обладают всеми ключевыми свойствами следа: они объективны, несут информацию о событии или субъекте, могут быть обнаружены, зафиксированы и исследованы. Цифровая трасология, являющаяся частью общей трасологии, требует разработки уникальных методов и алгоритмов для их анализа, что ещё больше отдаляет её от классической криминалистической парадигмы.

Нанотрасология и микроследы: Современные методы исследования позволяют работать с объектами на наноуровне. Микроследы — это такие отображения объектов, форму и размеры которых можно определить только с помощью микроскопической техники (луп и микроскопов) [3, 56–60]. Следы микрочастиц, волокон, пыльцы, наночастиц веществ, остатков химических реакций требуют использования высокоточных аналитических приборов (атомно-силовых микроскопов, сканирующих электронных микроскопов, масс-спектрометров). Нанотрасология открывает возможности для идентификации объектов по мельчайшим, невидимым невооружённым глазом частицам, существенно повышая доказательственную базу.

Применение искусственного интеллекта и больших данных: Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение революционизируют процесс анализа следов. Внедрение искусственного интеллекта в трасологию открывает новые перспективы: нейросети способны выявлять закономерности в следах, недоступные человеческому глазу [2, 45–53]. Системы больших данных позволяют анализировать огромные массивы информации о следах, выявлять скрытые закономерности, прогнозировать вероятное местонахождение или поведение объектов, а также повышать точность идентификации. ИИ-системы могут значительно ускорить и повысить эффективность экспертной работы, а также помочь в реконструкции событий.

Для успешного выделения трасологии в самостоятельную науку, по мнению автора необходимо выполнить ряд задач:

— **Унификация терминологического аппарата:** Разработка чёткой, единой системы понятий, свобод-

ной от криминалистической специфики, но пригодной для описания следов в любых сферах.

— **Построение общей теории слеодообразования:** Формулирование универсальных законов и принципов образования, существования и изменения следов независимо от их природы и источника.

— **Разработка комплексных методик исследования:** Интеграция методов различных наук (физики, химии, биологии, информатики) для создания системного подхода к изучению следов.

— **Создание специализированных образовательных программ:** Подготовка специалистов, ориентированных на широкий спектр применения трасологических знаний, а не только на криминалистическую экспертизу.

В заключение хочется отметить, что трасология в XXI веке находится на пороге качественно нового этапа своего развития. Расширение предметной области, появ-

ление новых видов следов (цифровых, наноразмерных), внедрение передовых технологий (ИИ, анализ больших данных) и возрастающая потребность в трасологических знаниях в различных сферах науки и практики являются убедительными аргументами в пользу её выделения в самостоятельную научную дисциплину.

Обретение научной самостоятельности позволит трасологии развиваться более динамично, привлекая специалистов из смежных областей, формируя более глубокий теоретический фундамент и расширяя спектр прикладных решений. Это будет способствовать не только дальнейшему совершенствованию методов раскрытия и расследования преступлений, но и открытию новых путей познания мира через универсальный феномен следа. Консолидация усилий научного сообщества для создания единой, всеобъемлющей науки о следах представляется актуальной и необходимой задачей современности.

Литература:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. — М.: Норма, 2023. — 384 с.
2. Майлис Н. П. Развитие методов трасологии в цифровую эпоху // Вестник криминалистики. — 2023. — № 4. — С. 45–53.
3. Майлис Н. П. Микротрасологии: Проблемы развития и совершенствования как научного направления // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 3. — С. 56–60.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Уголовная ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации, совершенное с использованием информационных технологий

Егоров Дмитрий Николаевич, студент магистратуры

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

*В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации с использованием информационных технологий. Анализируются объективные и субъективные признаки данного состава преступления, особенности квалификации, а также отграничения от смежных составов. Особое внимание уделяется ключевым мерам наказания, среди которых выделяются: лишение свободы, штрафные санкции, ограничение свободы передвижения и лишение права занимать определённые должности. **Ключевые слова:** экстремизм, вербовка, склонение, вовлечение, информационные технологии, уголовная ответственность.*

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу идеологического и политического выбора, включая право на создание различных политических партий. При этом ни одна идеология не может быть провозглашена официальной или принудительно навязанной обществу. Законодательством строго запрещено образование и функционирование любых общественных организаций, чья деятельность или цели связаны с насильственным свержением конституционного строя, посягательством на территориальную целостность страны, угрозой государственной безопасности, формированием вооруженных групп или разжиганием социальной, расовой, национальной или религиозной вражды (ст. 13 Конституции Российской Федерации) [1].

Федеральным законом № 148-ФЗ от 27 июля 2006 года, экстремистская организация определяется как общественное, религиозное объединение или любая другая организация, в отношении которых суд вынес окончательное решение о прекращении их деятельности или их ликвидации за осуществление экстремистской деятельности по основаниям, предусмотренным указанным законом. [4].

В современных условиях развития информационных технологий особую актуальность приобретает проблема противодействия экстремистской деятельности, осуществляемой с использованием сети Интернет и иных цифровых платформ. Особую опасность представляет склонение, вербовка и вовлечение лиц в деятельность экстремистских организаций посредством информационных технологий.

В интересах реализации конституционных запретов и выполнения международных обязательств в Уголовном

кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе за склонение, вербовку и вовлечение лиц в деятельность экстремистских организаций по ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ.

Основным объектом указанного преступления выступают общественные отношения, которые возникают при нарушении установленного Конституцией и законодательством Российской Федерации запрета на осуществление экстремистской деятельности.

Объективная сторона преступления выражается в фактическом осуществлении деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого судом было принято и вступило в законную силу решение о его ликвидации или запрете деятельности из-за экстремистской направленности его действий. [3, с. 820].

Особенностью данного состава является способ совершения преступления — с использованием информационных технологий.

К таким технологиям относятся Интернет-ресурсы, социальные сети, мессенджеры, электронные средства коммуникации, иные цифровые платформы.

Преступление признается оконченным с момента реализации любого из перечисленных действий, причем согласие или несогласие вовлеченного лица участвовать в экстремистской организации значения не имеет [5].

Субъект преступления общий. Уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Указанные преступления характеризуются виной в форме прямого умысла, при этом субъект преступления должен осознавать экстремистский харак-

тер своей деятельности, факт запрета судом деятельности такой организации и стремиться действовать вопреки законному решению суда [3, с. 819].

Мотивы могут быть идеологическими, политическими, религиозными или материальными, при этом преступление совершается через размещение материалов, распространение информации в сетях Интернет, использование социальных сетей и «мессенджеров».

При квалификации данного преступления необходимо ограничивать его от следующих преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации:

- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ);
- финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

Так, под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистской организации понимается умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистской организации [5].

Расследование преступлений, связанных с вовлечением в экстремистскую деятельность через информационные технологии, представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий комплексного подхода.

В центре внимания находятся различные формы преступной деятельности, осуществляемые через Интернет-платформы. В частности, активно используются социальные сети для распространения экстремистской идеологии, создаются телеграм-каналы с запрещенным контентом, проводятся онлайн-вербовки через личные сообщения и осуществляется финансирование экстремистской деятельности через электронные платежные системы.

Процесс расследования указанных преступлений начинается со сбора цифровых доказательств, включающего анализ метаданных сообщений, извлечение информации с серверов провайдеров, фиксацию MAC и IP-адресов, геолокационных данных, а также анализ истории браузера и цифровых следов. Параллельно проводится выявление признаков экстремистской деятельности путем анализа контента на наличие призывов к насилию, обнаружения символики запрещенных организаций, определения методов психологического воздействия и мониторинга финансовых транзакций.

Технические аспекты расследования указанных преступлений играют ключевую роль и включают использование специализированного программного обеспечения для анализа данных, применение методов компьютерной

криминалистики, взаимодействие с операторами связи и постоянный мониторинг Интернет-ресурсов.

В процессе расследования приходится сталкиваться с рядом сложностей, среди которых быстрое изменение методов коммуникации преступников, использование анонимизации и шифрования, международный характер преступлений и трудности получения доказательств из-за рубежа.

За склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации с использованием информационных технологий предусмотрено комплексное наказание, которое включает несколько видов уголовной ответственности.

Так, за совершение указанного преступления суд может назначить наказание в виде штрафных санкций в размере от трёхсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок от четырёх до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет [2].

Важно отметить, что, если в действиях виновного содержатся признаки других преступлений (например, терроризма или организации массовых беспорядков), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, что может повлечь назначение более сурового наказания.

При этом закон предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в случае, если лицо, которое впервые привлекается к уголовной ответственности, добровольно прекратило участие в экстремистской деятельности, и не совершил при этом иного преступления [2]. Это положение направлено на стимулирование добровольного отказа от противоправной деятельности и сотрудничество с правоохранительными органами.

На практике назначение наказания за совершение указанных преступлений осуществляется с учётом всех обстоятельств дела, личности виновного, наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. ст. 61, 63 УК РФ. Суд также принимает во внимание наличие или отсутствие судимостей, возраст виновного, его семейное положение, наличие несовершеннолетних детей и другие обстоятельства, которые могут повлиять на назначение справедливого наказания.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что расследование преступлений, связанных с вовлечением в экстремистскую деятельность через информационные технологии, характеризуется высокой степенью сложности из-за постоянного совершенствования методов коммуникации преступников и их способности к международной координации, но вместе с тем современное законодательство предусматривает комплексный и многоуровневый подход к противодействию экстремистской

деятельности в цифровой среде. Установленные меры наказания носят дифференцированный характер и учитывают различные обстоятельства совершения преступ-

ления, включая наличие квалифицирующих признаков и личность виновного.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: официальный текст по состоянию на 16.04.2025 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.09.2026)
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / ответственный редактор А. И. Рарог. — 14-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2023. — 1029 с.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об экстремистской деятельности [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2026) [1].

Заблуждения участников экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса

Турченко Елизавета Юрьевна, адъюнкт;

Пироженков Артем Сергеевич, адъюнкт

Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород)

В статье исследуется роль заблуждений в механизме совершения экономических преступлений в сфере информационного бизнеса. Анализируются виды ошибочных представлений участников экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса. Рассматриваются правовые и фактические заблуждения, их существенность, извинительность и способы формирования. Авторы обосновывают необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования и разработки профилактических мер, направленных на противодействие преступным схемам в цифровой среде.

Ключевые слова: заблуждение, информационный бизнес, экономико-криминальная схема, преступная деятельность, участник.

Бурный прогресс информационных технологий создал новый экономический сектор — информационный бизнес. В его рамках применяются дистанционно оказываемые услуги, включая образовательные, а также сбыт цифровой продукции, такой как тренинги, семинары и вебинары. Кроме того, развиваются различные инвестиционные проекты в онлайн-пространстве. Из-за недостаточной нормативно-правовой базы в этой отрасли распространились разнообразные преступные схемы. Основой большинства экономических преступных схем является заблуждение — искажённое восприятие реальности, возникающее в сознании человека [1, с. 8], или, иначе говоря, ошибочное понимание участниками правовых, реальных или других важных обстоятельств.

Исследование ошибочных представлений в этой сфере важно как для теории, так и для практики, так как оно помогает выявить недостатки в нормативно-правовом регулировании и разработать превентивные меры против правонарушений.

Рассмотрим наиболее распространенные заблуждения лиц, совершающих преступления в сфере информационного бизнеса.

Одним из субъектов является лицо, организующее или осуществляющее экономическую преступную схему. В некоторых случаях такие люди неверно оценивают юридические последствия своих действий. Типичный случай — убежденность, что пребывание инкогнито в интернете или расчёты в криптовалюте делают их неуловимыми. Эта ложная уверенность в безопасности часто приводит к тому, что угроза уголовной ответственности воспринимается как несущественная, и правонарушители продолжают свою незаконную деятельность.

Вторую группу субъектов составляют посредники — менеджеры, технические исполнители, агенты, — которые часто не осознают преступной цели всей схемы. Это заблуждение обычно добросовестное: они искренне считают свою деятельность законной. Однако, как и в предыдущем случае, ошибка может быть связана с неверным понима-

нием правовых последствий своих действий. Например, в уголовном деле при привлечении Е. О. Блиновской к ответственности за уклонение от налогов и легализацию преступных доходов её супруг был признан пособником. В арбитражном разбирательстве, на основании доказательств, полученных в ходе расследования уголовного дела, с участников схемы «дробления бизнеса» также были взысканы денежные средства [3].

Важное значение также имеет «заблуждение в праве», выражающееся в некорректном восприятии юридических норм и их последствий. Источником таких заблуждений может быть либо незнание законодательства, либо его неверное толкование. Например, организаторы экономико-преступных схем в информационном бизнесе часто считают, что передача файлов в электронном формате не является оказанием услуг, и поэтому такая деятельность якобы не подпадает под налоговое и правовое регулирование. Также сюда относятся ошибочные представления о юридических последствиях действий (включая степень ответственности) или о правовом статусе сделки: лицо полагает, что им формируется инвестиционный проект, который на самом деле по правовым признакам является финансовой пирамидой.

Следующая группа — это «заблуждение о факте». К ним относятся ошибочные представления о личности контрагента, возникающие, когда информация с веб-ресурса или страницы блогера не соответствует действительности. Также сюда включается неверное понимание предмета сделки, когда общедоступные материалы принимаются за эксклюзивную авторскую методику. Ошибочные представления о качестве цифрового товара тоже входят в эту категорию: когда продукт не соответствует заявленным параметрам при использовании. Учитываются и ложные представления о гарантиях — рекламные обещания «сто процентного результата» или «возврата средств», не подкреплённые договорными обязательствами. Наконец, сюда относятся ошибочные представления о сроках и условиях договора, такие как искажённое восприятие времени исполнения обязательств, возможности расторжения договора или процедуры возврата денег.

Заблуждения считаются существенными, если они значительно влияют на решение субъекта о заключении сделки или совершении другого юридически значимого действия. Такие ошибки могут привести к признанию сделки недействительной и учитываются при квалификации преступления. В отличие от них, несущественные заблуждения не влияют на волеизъявление и не имеют правовых последствий (например, осознание противоправности поведения не зависит от мнения о его наказуемости по КоАП РФ, если в действиях есть состав преступления). Извинительными считаются заблуждения, когда субъект не мог и не должен был осознавать ошибку. Хотя такие ошибки могут исключать вину и ответственность, среди организаторов и исполнителей экономико-криминальных схем в информационном бизнесе они редки. Незавинительными являются заблу-

ждения, когда лицо могло избежать ошибки, но не проявило должной бдительности, поэтому ответственность сохраняется.

Добросовестное заблуждение — это ситуация, когда человек искренне считает сделку законной и полезной, не подозревая о её противоправности или мошенничестве. Обычно такая ошибка считается извинительной. Небрежное заблуждение возникает, когда участник мог, но не проверил достоверность информации или не разобрался в законах, что говорит о его недостаточной бдительности. Искусственно созданное заблуждение формируется через манипуляции, такие как психологическое воздействие, ложные данные, фиктивные рекомендации или создание видимости легальности. Самообман организатора или исполнителя незаконной экономической схемы проявляется в самоуспокоении относительно безопасности операции, попытках представить её как законный бизнес и оправдании её как «маркетинговую стратегию, а не мошенничество».

Заблуждения пассивного характера возникают исключительно из-за действий или бездействия самого потерпевшего, без внешнего влияния (например, когда человек не удосужился изучить текст соглашения). Активные заблуждения создаются преднамеренными действиями инициатора, такими как обман, сокрытие ключевых положений договора или психологическое воздействие. Смешанная форма включает в себя невыполнение потерпевшим обязанности проверить важные для сделки сведения и намеренное искажение этих данных контрагентом (например, пострадавший не запросил документы о наличии необходимого образования у исполнителя информационных услуг, в то время как последний преднамеренно предоставил недостоверную информацию [2]).

Подводя итоги рассмотренному, следует отметить, что заблуждения в сфере информационного бизнеса представляют собой многоуровневую и системную проблему, напрямую влияющую на квалификацию экономических преступлений и определение мер ответственности. Искражённое восприятие реальности распространено среди всех участников — от организаторов преступных схем, которые ошибочно полагаются на анонимность и криптовалюты как гарантию безнаказанности, до посредников, добросовестно заблуждающихся относительно законности своей деятельности. В данной сфере доминируют неизвинительные, небрежные и искусственно созданные заблуждения, что свидетельствует о целенаправленном манипулировании сознанием и высокой степени криминализации информационного бизнеса. Таким образом, имеется необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и разработки эффективных профилактических механизмов, направленных как на снижение уязвимости потерпевших, так и на устранение ложных представлений о безопасности у потенциальных правонарушителей, что является ключевым условием противодействия экономическим преступлениям в цифровой среде.

Литература:

1. Зезекало, А. Ю. Заблуждение при совершении сделки / А. Ю. Зезекало. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — 198 с. — Текст: непосредственный. С. 8.
2. Косметолога без лицензии приговорили к 3 годам по делу о гибели пациентки. — Текст: электронный // РАПСИ: [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/moscourts_news/20260911/312190505.html (дата обращения: 17.09.2026).
3. Суд взыскал 10 млн рублей с участника схемы Блиновской Миняева. — Текст: электронный // LIFE: [сайт]. — URL: <https://life.ru/p/1903777> (дата обращения: 17.09.2026).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Оказание медицинской помощи осужденным к лишению свободы в Российской Федерации

Менщикова Кристина Дмитриевна, студент магистратуры

Курганский государственный университет

В статье рассматриваются правовые и практические аспекты оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в Российской Федерации. Анализируются нормы Конституции РФ, УИК РФ, Федерального закона № 323-ФЗ и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, закрепляющие гарантии медицинского обеспечения данной категории лиц. Отражена положительная динамика развития пенитенциарной медицины. Выявлена проблема ограниченной доступности платных медицинских услуг для осужденных, обусловленная установленным законодательством порядком удержаний из доходов. Предложено дополнить статью 107 УИК РФ положением, допускающим временное приостановление или уменьшение удержаний при наличии положительной характеристики и участии осужденного в оплачиваемом труде. Обосновывается, что реализация данной меры будет способствовать снижению заболеваемости и сокращению государственных затрат на лечение осужденных.

Ключевые слова: охрана здоровья, осужденные к лишению свободы, медицинская помощь.

Providing medical care to prisoners in the Russian Federation

Menshchikova Kristina Dmitrievna, Master's student

Kurgan State University

The article discusses the legal and practical aspects of providing medical care to prisoners in the Russian Federation. It analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Penal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 323-FZ, and the Rules of Internal Regulations of Correctional Facilities, which establish guarantees for medical care for this category of individuals. The article highlights the positive development of penitentiary medicine. It also identifies the issue of limited access to paid medical services for prisoners due to the legal procedure for deductions from their income. It is proposed to supplement Article 107 of the Penal Code of the Russian Federation with a provision allowing for the temporary suspension or reduction of deductions in the event of a positive characterization and the convicted person's participation in paid labor. It is argued that the implementation of this measure will contribute to reducing the incidence of diseases and reducing government spending on the treatment of convicted individuals.

Keywords: health care, prisoners, and medical assistance.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь является важнейшим основополагающим правом, закреплённым в статье 41 Конституции Российской Федерации [1]. Данное право не зависит от статуса человека (т. е. возраст, национальность, должностное положение, социальный статус и т. д.), таким образом уравнивая правоспособность всех лиц в данной сфере.

Данная позиция российского законодателя полностью оправдана: отказ в медицинской помощи либо ее ограниченное, некачественное осуществление не могут быть частью наказания. Напротив, «когда государство ли-

шает людей свободы, оно берет на себя ответственность за их здоровье как с точки зрения условий, в которых они содержатся под стражей, так и с точки зрения индивидуального лечения, которое может потребоваться», — гласит руководство ВОЗ по основным аспектам охраны здоровья в местах лишения свободы [5, с. 7–8].

Охрана здоровья осужденных к лишению свободы и получение ими медицинских услуг регламентировано Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Специфика правового положения осужденных наложила свой отпечаток на порядок оказания им медицинской помощи, а значит, и его правовую регламентацию. Специальные нормы по этому вопросу содержатся в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ), его статьях 12 и 101 [2]; Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений 2026 года (далее — ПВР ИУ), в пунктах 92–93, 96–101, 154–198 и др. [4].

Анализ состояния оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы позволяет отметить положительные моменты:

- наличие широкой системы лечебных учреждений, оказывающих медицинскую помощь осужденным.

По состоянию на 01.01.2024 в состав ФСИН входят 71 медико-санитарной часть, 580 медицинских частей, 147 фельдшерских и 106 врачебных здравпунктов, 58 центров медицинской и социальной реабилитации, 78 военно-врачебных комиссий, 78 центров санитарно-эпидемиологического надзора, 135 больниц (в том числе 56 туберкулезных, 4 психиатрических и 7 больниц для оказания медицинской помощи сотрудникам ФСИН России). С 2015 года приказами Минздрава России устанавливаются квоты целевого приема для получения высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. В рамках программы целевой подготовки врачей для ФСИН России на обучение в 30 медицинских учебных заведений страны ежегодно поступают свыше 100 человек.

- возможность воспользоваться медицинскими услугами диагностического свойства, предусматривающих использование медицинского оборудования высокого класса: компьютерную томографию, эхокардиографию сердца и др. А также получение сложной, высокотехнологичной лечебной помощи, так как аортокоронарное шунтирование, эндоскопические реконструктивные операции на суставах и др.
- улучшение технического и лекарственного оснащения медицинских учреждений, оказывающих медицинские услуги осужденным к лишению свободы.

На практике существуют сложности с получением осужденными тех медицинских услуг, которые предоставля-

ются на платной основе. При этом такое право у осужденных есть, и зафиксировано оно в части 1 статьи 84 Закона об охране здоровья, то есть любой гражданин, а значит, и осужденный, имеет субъективное право на самостоятельное обращение за медицинскими услугами, носящими возмездный характер.

В ПВР ИУ данное право не только фиксируется, но и получает более детальную регламентацию. Такая помощь здесь (в пункте 93) именуется лечебно-профилактической с добавлением прилагательного «дополнительная» (далее — ДЛПП) и дополнительными лечебно-профилактическими услугами (далее — ДЛПУ).

У многих осужденных, нуждающихся в медицинских услугах, отсутствуют денежные средства. Законодатель в части 3 статьи 107 УИК РФ гарантировал осужденным в качестве неприкосновенных лишь 25% от всех доходов (некоторым осужденным до 50%), именно они всегда остаются у осужденных, невзирая на то, хватает ли получаемых денег на возмещение затратных расходов УИС или нет. Следовательно, даже наличие регулярных поступлений денежных средств не гарантирует осужденному, что у него останется возможность оплатить ту или иную медицинскую услугу, тем более с учетом дороговизны последних.

Вероятнее всего, полностью устранить выявленную проблему вряд ли возможно на данном этапе развития общества, но нивелировать ее вполне реально.

Для этого следует разрешить осужденным, которые испытывают нужду в платной медицинской услуге, при соблюдении определенных условий (наличие положительной характеристики и участие в материально возмещаемой работе) ходатайствовать перед руководством учреждения УИС о том, чтобы удержания с их лицевого счета были временно приостановлены либо уменьшены.

Предлагаемое нами считаем целесообразным включить в статью 107 УИК РФ, дополнив ее частью 4. Очевидно, что государство в этом случае не сможет в полной мере компенсировать затраты на содержание осужденного, что является минусом предлагаемого решения. Однако другие затраты — затраты на лечение осужденного — напротив, вероятнее всего, будут снижены, равно как и снизится общая заболеваемость в исправительных учреждениях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общенародного голосования 01.07.2020, с учетом поправок от 06.10.2022). — Текст электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — Москва. — URL: <https://www.pravo.gov.ru>. — Загл. с титул. экрана.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, № 2, ст. 198.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // «Российская газета». — 23.11.2011. — № 263.
4. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений

и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (с изменениями).

5. Руководство Всемирной организации здравоохранения по основным аспектам охраны здоровья в местах лишения свободы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn-7sbabhak4bqktigbdqi0yka.xnp1ai/images/documents/megd_doc/health2008.pdf. 218 с. (дата обращения: 15.07.2026).
6. Янченко О. В. Современное состояние медицинской службы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 4. С. 19–22.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Расторжение договора международной купли-продажи товаров: основания и особенности данного средства правовой защиты сторон сделки

Хартанович Валентина Андреевна, студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (г. Москва)

Проводится комплексный анализ механизма расторжения договора международной купли-продажи товаров как средства правовой защиты стороны, чьи права нарушены. Исследуются основания расторжения, закреплённые в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., рассматриваются подходы к данному институту в принципах УНИДРУА, а также анализируются правовые последствия расторжения договора для продавца и покупателя. Уделяется внимание концепции «существенного нарушения» договора и специфическому признаку Конвенции — критерию предвидения последствий нарушения.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи товаров, Венская конвенция, расторжение договора, существенное нарушение договора, предвидение нарушения, принципы УНИДРУА, правовые последствия расторжения, средства правовой защиты.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время, в эпоху глобализации и стремительного развития международного торгового оборота договор международной купли-продажи товаров занимает центральное место в регулировании трансграничных экономических отношений, а Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская Конвенция, Конвенция) имеет значительное влияние на унификацию норм отдельных элементов данного договора — в том числе, расторжение договора, как средства правовой защиты сторон.

Обратимся к нормам Венской Конвенции, как основному источнику норм, регулирующих отношения в сфере международной купли-продажи товаров. В статье 25 Конвенции закреплено то, что стороны могут расторгнуть договор через понятие «существенного нарушения» договора: «Нарушение договора, допущенное одной из сторон, является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не предвидела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его» [5, ст. 25]. Из данного определения можно выделить несколько основных признаков «существенного нарушения»:

- 1) это нарушение влечет за собой вред для другой (потерпевшей) стороны;

- 2) потерпевшая сторона лишается того, на что была вправе рассчитывать по договору;
- 3) сторона, нарушившая договор, могла предвидеть такой результат.

Кроме того, в Конвенции есть ссылка на «разумное лицо», которое также могло бы при аналогичных обстоятельствах предвидеть негативный результат и нарушение договора. Данное понятие отражает концепцию среднего (общественного) мнения, когда оценочное понятие «существенности» выводится из общего представления и поведения субъектов в схожих ситуациях.

Согласно нормам российского гражданского законодательства, в статье 450 ГК РФ закреплено то, что основанием расторжения договора в судебном порядке является существенное нарушение договора одной из сторон, а именно «существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора» [3, ст. 450]. На основании данного понятия можно сделать вывод, что российский законодатель позаимствовал критерий «существенного нарушения» договора, закрепленный в Венской Конвенции. Однако, российский закон не содержит оговорок о предвидении нарушения как основании освобождения нарушителя от ответственности, тогда как Конвенция прямо закрепляет такое основание, что существенно расширяет защиту добросовестной стороны. Понятие «предвидимости» последствий нарушения, можно увидеть и в статье

74 Венской Конвенции, которая при помощи данного механизма ограничивает объем допустимых ко взысканию убытков. Такой механизм пока не известен российскому законодательству.

А. Г. Карапетов отмечает, что «применение принципа существенности нарушения к одностороннему отказу от договора является абсолютно необходимым инструментом предотвращения злоупотребления правом» [4, с. 12]. Кроме того, он считает данный критерий универсальным условием допустимости расторжения нарушенного договора. Однако, статья 450 ГК РФ устанавливает такой критерий исключительно для расторжения договора в судебном порядке, а его применение в отношении права на односторонний отказ требует расширительного толкования и уточнения в законе. Кроме того, А. Г. Карапетов пишет, что такое понятие, как «предвидимость» нарушения договора довольно оценочное и разработчики Венской Конвенции оставили без уточнения вопрос «на какой момент должна определяться предвидимость: на момент заключения договора, после его заключения и в течение его исполнения или на момент нарушения. Поэтому данный вопрос в статье 25 Конвенции был обойден и должен решаться в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела и применимого права» [4, с. 92].

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994 года закрепляют право стороны прекратить договор в случае существенного неисполнения обязательства другой стороной [6, ст. 7.3.1.]. При этом Принципы предлагают многофакторный тест для определения существенности неисполнения: принимается во внимание:

- существенно ли неисполнение лишает потерпевшую сторону того, на что она вправе была рассчитывать;
- имеет ли принципиальный характер строгое соблюдение неисполненного обязательства;
- является ли неисполнение умышленным или совершено по грубой небрежности;
- даёт ли неисполнение потерпевшей стороне основания полагать, что нельзя рассчитывать на будущее исполнение контрагентом;
- понесет ли не исполнившая сторона в случае расторжения несоразмерные потери.

Концепция существенного неисполнения в Принципах УНИДРУА в целом соответствует концепции существенного нарушения по Венской конвенции, а их основное значение в обеих системах состоит в наделении потерпевшей стороны правом на расторжение договора с последующим требованием о возмещении убытков. Принципы УНИДРУА содержат ряд дополнительных положений, отсутствующих в Конвенции. Статья 7.3.5 устанавливает, что прекращение договора освобождает обе стороны от обязательств осуществить и получить будущее исполнение, однако не лишает права требовать возмещения убытков за неисполнение и не затрагивает договорных положений об урегулировании споров, то есть

предусматривается возможность сочетать расторжение договора и требование компенсации убытков. В части реституции ст. 7.3.6 Принципов УНИДРУА предусматривает, что при прекращении договора каждая сторона может требовать возврата всего предоставленного, при условии одновременного возврата, полученного самой этой стороной; если возврат в натуре невозможен или нецелесообразен — производится денежное возмещение. Кроме того, закреплено положение о том, что «... если исполнение обязательства носит длящийся характер, и договор является делимым, возврат полученного до расторжения недопустим» [6, ст. 7.3.6.].

Таким образом, Принципы УНИДРУА выполняют функцию инструментария для заполнения пробелов и толкования Конвенции, тогда как национальное право применяется субсидиарно и не должно подрывать унификационную цель Венской Конвенции.

Перейдем к рассмотрению расторжения договора как со стороны покупателя, так и со стороны продавца. Статья 49 Венской Конвенции закрепляет право покупателя на расторжение договора в двух случаях:

- 1) если неисполнение договора является существенным нарушением;
- 2) если продавец не поставил товар в дополнительный установленный покупателем срок или прямо заявил о том, что не осуществит поставку в этот срок (в соответствии со статьей 47 Конвенции)

Второе условие в немецкой доктрине именуется как *Nachfrist*. Данный институт стал применяться судами в условиях того, что для расторжения договоров нужно было оценочно определять, есть ли существенное нарушение договора, поэтому был введен такой механизм, согласно которому продавцу предоставлялся дополнительный льготный период для исполнения обязательств по договору. Если же, продавец не поставлял товар в дополнительный срок — это было прямое основание для расторжения договора, даже при том условии, что изначально не было существенного нарушения обязательств. А. Г. Карапетов отмечает, что несмотря на преимущества данного института, который позволяет избежать расторжения договора, ряд европейских правовых порядков, которые заимствовали данный механизм столкнулись с тем, что возник вопрос соотношения «существенности нарушения» и механизма *Nachfrist* [4, с. 282]. Например, обязан ли покупатель давать всегда продавцу право на исполнение обязательства в дополнительный льготный срок, либо же если есть существенное нарушение договора, то механизм предоставления дополнительного срока автоматически не может быть использован, данный вопрос остался нерешенным.

Стоит также отметить, что согласно пункту 2 статьи 49 Конвенции право покупателя на расторжение ограничено временными рамками: заявление о расторжении должно быть сделано в разумный срок после того, как покупатель узнал или должен был узнать о нарушении, а также после истечения дополнительного срока для исполнения обязательства продавцом [5, ст. 49].

Похожее право на расторжение договора предоставлено продавцу согласно статье 64 Конвенции: «...продавец вправе заявить о расторжении при существенном нарушении обязательств покупателем либо в случае неуплаты цены или непринятия поставки в течение дополнительного срока, установленного продавцом» [5, ст. 64]. Кроме того, согласно пункту 2 указанной статьи есть ограничения на реализацию данного права продавцом. Продавец не может заявить о расторжении договора в случае, если покупатель уплатил цену товара с просрочкой, но продавец не успел заявить об этом до платежа, а также после истечения разумного или дополнительного срока, и в случае, когда он узнал или должен был узнать о нарушении со стороны покупателя.

Перейдем к рассмотрению последствия расторжения договора. Согласно статье 81 Конвенции: расторжение договора прекращает обязательства на будущее и освобождает стороны от их обязательств по договору. Однако, важно отметить, что уже в следующем пункте Конвенции говорится о том, что каждая из сторон вправе требовать возврата того, что было ею передано или уплачено другой стороне. При этом, если обе стороны к моменту расторжения успели осуществить свое исполнение полностью или частично, то встречная реституция должна быть осуществлена одновременно. Можно сказать, что расторжение по Конвенции имеет ретроактивный эффект, однако не стоит приравнивать это к недействительности сделок, поскольку расторжение прекращает обязательства на будущее, не затрагивая прошлые, которые могут быть исполнены по реституции. Сравнивая с положением Конвенции, согласно пункту 4 статьи 453 ГК РФ: при расторжении все обязательства сторон прекращаются и стороны не могут претендовать на то, что было ими исполнено полностью или частично до момента расторжения. Кроме того, согласно действующему российскому законодательству, если одна из сторон получила не равнозначное исполнение, то будут применяться правила о неосновательном обогащении (глава 60 ГК РФ).

Также, стоит отметить следующие особенности расторжения договора для покупателя и для продавца. Согласно статье 82 Конвенции, покупатель по общему правилу утрачивает право заявить о расторжении договора либо требовать замены товара, если он не может возвратить товар продавцу в том же, по существу, состоянии, в котором получил его. Однако, пункт 2 указанной статьи Конвенции предусматривает исключения: «покупатель сохраняет право на расторжение, если невозможность возврата товара не вызвана его действиями или упущением; если товар испортился либо утратил свои свойства вследствие осмотра, предусмотренного ст. 38 Конвенции; а также если товар был продан, потреблён или переработан в рамках нормального ведения торговли...». Невозможность возврата товара в натуре не освобождает покупателя от обязанности передать продавцу полученную выгоду: покупатель должен передать продавцу весь фактически полученный доход от товара или его части. В отличие от покупателя, право про-

давца на расторжение договора не ставится в зависимость от возможности вернуть покупателю уплаченную цену. Это обусловлено тем, что деньги являются заменимым (родовым) объектом и их возврат предполагается объективно возможным. Следовательно, ограничение, установленное статьей 82 Конвенции, применяется исключительно к покупателю как стороне, получившей товар.

Особое последствие установлено пунктом 1 статьи 84 Конвенции: если продавец обязан возвратить покупателю уплаченную цену, он должен уплатить проценты с даты получения этой суммы. Проценты начисляются не с момента нарушения продавцом обязанности поставить товар, а именно с даты уплаты цены покупателем. Такой подход означает, что проценты рассматриваются Конвенцией как компенсация за пользование чужими денежными средствами, а не как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства.

Кроме того, стоит отметить, что расторжение договора не освобождает нарушителя от обязанности возместить убытки пострадавшей стороне. Статья 74 Конвенции устанавливает принцип полного возмещения убытков, включая упущенную выгоду, ограничивая его критерием предвидимости: нарушитель отвечает лишь за тот ущерб, который он предвидел или должен был предвидеть в момент заключения договора. Помимо убытков, статья 78 Конвенции закрепляет абсолютное право пострадавшей стороны на взыскание процентов с просроченной суммы без ущерба для любого требования о возмещении убытков. При этом, Конвенция не устанавливает размер процентов и порядок определения процентной ставки. Данный пробел должен восполняться прежде всего на основе общих принципов, на которых основана Конвенция, а при невозможности их выявления — в соответствии с правом, применимым в силу коллизионных норм. Также, в соответствии со статьей 72 Конвенции сторона вправе расторгнуть договор до наступления срока исполнения, если очевидно, что контрагент допустит существенное нарушение. Если обстоятельства позволяют, до расторжения кредитор должен уведомить должника и предоставить ему возможность подтвердить надлежащее исполнение обязательств. Направление извещения не требуется, когда должник прямо заявил об отказе исполнять договор.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Расторжение договора международной купли-продажи товаров по Конвенции ООН 1980 г. является крайней мерой защиты пострадавшей стороны и допускается при наличии существенного нарушения по смыслу статьи 25 Конвенции, а также в случаях неисполнения обязательства в дополнительно установленный срок. Критерий предвидимости последствий нарушения является отличительным признаком Конвенции, не имеющим прямого аналога в российском гражданском праве, и призван ограничить сферу применения понятия существенного нарушения посредством объективного стандарта поведения разумного лица.

Правовые последствия расторжения договора носят комплексный характер и включают освобождение сто-

рон от обязательств, подлежащих исполнению в будущем, обязанность осуществить взаимную реституцию исполненного, а также сохранение права пострадавшей стороны на возмещение убытков и взыскание процентов. Принципы УНИДРУА могут использоваться для толкования положений Конвенции, восполнения пробелов в её регулировании, а также при прямой отсылке сторон в договоре. Они дополняют конвенционный механизм многофакторным тестом существенности неисполнения и более детальным регулированием последствий прекращения договора.

Для практикующих юристов и участников внешне-экономической деятельности рекомендуется заблаговременно формулировать в договоре развёрнутые условия расторжения (termination clauses) с чётким перечнем оснований, порядком направления уведомления, сроками для устранения нарушения и детальным описанием последствий расторжения. Это позволит минимизировать риск неоднозначного толкования норм Конвенции и повысить предсказуемость разрешения споров в международном коммерческом арбитраже.

Литература:

1. Арзуманян А. Б., Загорулько А. В. Расторжение договора международной купли-продажи товаров как средство правовой защиты от его нарушения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-dogovora-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-tovarov-kak-sredstvo-pravovoy-zaschity-ot-ego-narusheniya> (дата обращения: 07.09.2026).
2. Валявский С. А. Расторжение договора покупателем по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров // Юридическая наука. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-dogovora-pokupatelem-po-konventsii-onn-o-dogovorah-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-tovarov> (дата обращения: 06.09.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
4. Карапетов А. Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / А. Г. Карапетов. — Москва, 2011. — 499 с.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. — 1994. — № 1.
6. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) [Электронный ресурс] / Международный институт унификации частного права (УНИДРУА). — 1994. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901784163> (дата обращения: 08.09.2026).
7. Угрин Т. С. Средства правовой защиты при нарушении продавцом и покупателем договора (контракта) международной купли-продажи // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-pravovoy-zaschity-pri-narushenii-prodavtsom-i-pokupatelem-dogovora-kontrakta-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi> (дата обращения: 06.09.2026).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Нормативно-правовое регулирование электронной подписи: сравнительно-правовой анализ механизмов публично-правового регулирования в России и Китае

Дегтярев Даниил Дмитриевич, аспирант

Московский инновационный университет

В статье сопоставляются российская и китайская модели регулирования электронной подписи, уточняются условия юридической эквивалентности электронных документов, организация удостоверяющей инфраструктуры и платформенная интеграция. С учетом законодательства по состоянию на 3 сентября 2026 г. формулируются предложения de lege ferenda о возможной двухуровневой системе видов электронной подписи, безопасной интеграции с многофункциональным сервисом МАХ и модернизации действующего Удостоверяющего центра ГАС «Правосудие».

Ключевые слова: электронная подпись, простая электронная подпись, усиленная квалифицированная электронная подпись, удостоверяющий центр, ГАС «Правосудие», МАХ, Россия, Китай.

Введение

Электронная подпись обеспечивает идентификацию подписанта и юридически значимый электронный документооборот. В России современная модель закреплена Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее — Закон № 63-ФЗ), ранее действовал Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи». Законодательство КНР строится вокруг Закона КНР об электронной подписи 2004 г. в редакции 2019 г. [1; 2].

Цель исследования: выявить различия в способах признания юридической силы электронной подписи, организации сертификационной инфраструктуры и связанности подписи с публичными цифровыми системами. Используются сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. Принятые, но не вступившие в силу положения федеральных законов от 26 июня 2026 г. № 210-ФЗ и от 4 августа 2026 г. № 315-ФЗ не рассматриваются в настоящей статье [3; 4].

1. Правовые основы и сфера применения

Закон № 63-ФЗ регулирует использование электронных подписей при гражданско-правовых сделках, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении публичных функций и совершении иных юридически значимых действий. Он закрепляет принципы использования ЭП, ее виды, условия равнозначности электронного и бумажного документов, статус удостоверяющих центров и требования к средствам подписи [1].

Закон КНР включает пять глав: общие положения; сообщения данных; электронная подпись и сертификация; юридическая ответственность; дополнительные положения. Статья 3 названного закона определяет сферу при-

менения в гражданской деятельности и исключает документы, касающиеся брака, усыновления, наследования и иных личных отношений, прекращения водоснабжения, теплоснабжения или газоснабжения, а также случаи, установленные иными актами [2].

Российское определение связывает ЭП с информацией, используемой для идентификации подписывающего лица. Китайское определение дополнительно указывает на признание подписантом содержания сообщения. Данное обстоятельство не означает, что российская подпись не выражает волю, волеизъявление оценивается с учетом вида подписи, соглашения сторон, процедуры подписания и иных доказательств.

2. Юридическая сила и виды электронной подписи

Обе системы используют принцип функциональной эквивалентности, но не приравнивают к собственноручной подписи любую электронную метку. В России документ с усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) по общему правилу равнозначен бумажному документу с собственноручной подписью, если закон или принятый в соответствии с ним акт не требует исключительно бумажной формы; действительность УКЭП определяется совокупностью условий статьи 11 Закона № 63-ФЗ. Простая электронная подпись (ПЭП) и усиленная неквалифицированная электронная подпись (НЭП) приобретают соответствующую силу в предусмотренных законом, подзаконным актом или соглашением случаях [1]. В КНР равную силу с собственноручной подписью или печатью имеет «надежная электронная подпись», отвечающая критериям исключительного контроля подписанта и возможности обнаружить последующие изменения [2].

Российское право на данный момент сохраняет три вида ЭП: ПЭП, НЭП и УКЭП. ПЭП подтверждает ее создание определенным лицом посредством кодов, паролей или иных средств. НЭП использует криптографическое преобразование, позволяет определить подписанта и обнаружить изменение информации. УКЭП отвечает признакам НЭП, создается и проверяется квалифицированными средствами и имеет квалифицированный сертификат [1]. Допустимый вид подписи определяется специальным регулированием. При сведениях, составляющих государственную тайну, Закон № 63-ФЗ применяется с учетом законодательства о государственной тайне.

Требования к форме квалифицированного сертификата установлены приказом ФСБ России от 27 декабря 2011 г. № 795 с последующими изменениями; срок действия регулирования продлен до 1 сентября 2027 г. [5]. Квалифицированные сертификаты создают аккредитованные УЦ, а также специальные удостоверяющие центры ФНС России, Федерального казначейства и Банка России в пределах установленной компетенции. Поэтому российская инфраструктура имеет смешанный, а не исключительно рыночный характер.

3. Удостоверяющая инфраструктура и электронное правосудие

Аккредитацию удостоверяющих центров и государственный контроль осуществляет Минцифры России. ФСБ России устанавливает требования к средствам ЭП и средствам УЦ и участвует в предусмотренных законом проверках. Аккредитация обычного УЦ проводится по статье 16 Закона № 63-ФЗ; с 2026 г. действует новый административный регламент Минцифры России, утвержденный приказом от 17 февраля 2026 г. № 98 [1; 6]. В КНР поставщики услуг электронной сертификации работают в разрешительном режиме и под государственным надзором, но это само по себе не доказывает ни преоблада-

ние государственных поставщиков, ни более высокий уровень безопасности [2].

В России на базе ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие»» также создан аккредитованный Удостоверяющий центр ГАС «Правосудие» в 2015 г. Он обеспечивает федеральные суды и систему Судебного департамента, а пункты регистрации организовывались во всех субъектах Российской Федерации [7; 8]. Электронная подача документов в федеральные суды общей юрисдикции осуществляется в порядке, утвержденном приказом Судебного департамента от 27 декабря 2016 г. № 251, через ГАС «Правосудие» и предусмотренные законом каналы [9].

4. Технические стандарты и платформенная интеграция

В российской квалифицированной инфраструктуре применяются средства ЭП и средства УЦ, соответствие которых установленным требованиям подтверждается ФСБ России, ведения о средствах и стандартах отражаются в квалифицированном сертификате [1; 5]. Китайская модель опирается на национальные требования к криптографии и разрешительный режим электронной сертификации.

Российский Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ создал правовую основу многофункционального сервиса обмена информацией. Распоряжением Правительства РФ от 12 июля 2025 г. № 1880-р его создание и функционирование возложены на ООО «Коммуникационная платформа», обладающее исключительным правом на цифровую платформу МАХ [10; 11]. И хотя МАХ не является удостоверяющим центром и не имеет самостоятельного вида ЭП возможна его будущая интеграция юридически значимых сценариев подписания и идентификации при соблюдении Закона № 63-ФЗ и специального регулирования.

5. Сравнительно-правовые результаты

Критерий	Россия	Китай
Сфера применения	Сделки, публичные услуги и функции, иные юридически значимые действия	Гражданская деятельность с прямо установленными исключениями
Модель юридической силы	Дифференцирована по виду ЭП и правовому основанию	«Надежная» ЭП приравнивается к подписи или печати
Виды ЭП	ПЭП, НЭП, УКЭП	Именной трехуровневой классификации нет; действуют критерии надежности
Удостоверяющая инфраструктура	Смешанная: специальные государственные и частные аккредитованные УЦ	Разрешительный режим услуг электронной сертификации и государственный надзор
Техническое регулирование	Квалифицированные средства, сертификаты и аккредитация по Закону № 63-ФЗ	Национальные требования безопасности и криптографии
Электронное правосудие	ГАС «Правосудие», ЕПГУ и действующий УЦ ГАС «Правосудие»	ЭП допускается в цифровых судебных и публичных сервисах по специальным правилам
Трансграничное признание	Статья 7 Закона № 63-ФЗ, международные механизмы и доверенная третья сторона	Иностранные сертификаты — по соглашению или принципу взаимности и после одобрения

Заключение и предложения de lege ferenda

Сравнение показывает не противопоставление «рынка» и «государства», а различные способы норматив-

ного распределения доверия, ответственности и технического контроля. Российская модель детальнее дифференцирует виды подписи и субъектов квалифицированной

инфраструктуры; китайская — концентрируется на критериях надежности и разрешительном режиме сертификационных услуг.

De lege ferenda возможно обсуждать переход России к двухуровневой системе — ПЭП и УКЭП — с исключением НЭП. Такая реформа допустима лишь после оценки практики применения НЭП и регуляторного воздействия. Одновременно для ПЭП потребуются усиленные минимальные требования к первичной идентификации, многофакторной аутентификации, защите ключа, уведомлению о компрометации, сохранности доказательств волеизъявления и распределению рисков. Иначе упрощение классификации снизит, а не повысит доверие.

Интеграция подписания и идентификации с МАХ и иными платформами также является предложением о возможном сценарии в будущем.

Ее условиями должны быть: добровольность канала, совместимость с ЕСИА, ЕПГУ и иными системами, минимизация персональных данных, независимая проверяемость подписи, переносимость доказательств, аудит информационной безопасности и наличие альтернатив-

ного способа взаимодействия. Платформа не должна подменять удостоверяющий центр либо замыкать юридическую силу документа на одном программном продукте.

В судебной сфере целесообразно рассмотреть вопрос о модернизации существующего Удостоверяющего центра ГАС «Правосудие», например развивать и унифицировать территориальную сеть регистрации, обеспечивать совместимость с ЕСИА, ЕПГУ, «Моим арбитром» и внутренними системами судов, а также нормативно закреплять требования к архивному хранению и проверке подписей, а также внедрять блок-чейн технологии. Такое предложение соответствует компетенции Судебного департамента по организационному обеспечению деятельности судов, но не отменяет общих требований Закона № 63-ФЗ к аккредитации и квалифицированной инфраструктуре [7–9].

Перспективой дальнейших исследований остается взаимное признание электронных подписей России и КНР. Оно требует согласования форматов сертификатов, алгоритмов проверки, статуса доверенных третьих сторон, защиты персональных данных и распределения ответственности.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (консолидированная редакция от 01.03.2026). URL: <http://ips.pravo.gov.ru/api/ips/legislation/document?baseid=None&hash=03adc9bd286c9362e7a5a68dd64bd5d2c79ee44660028678e85e90e2f1f34b84> (дата обращения: 03.09.2026).
2. 中华人民共和国电子签名法 (2019 修正) [Закон КНР об электронной подписи, ред. 2019 г.]. URL: https://scjgj.beijing.gov.cn/cxfw/flfgcxfw/qyjgl/202006/t20200621_1929596.html (дата обращения: 03.09.2026).
3. Федеральный закон от 26.06.2026 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260070> (дата обращения: 03.09.2026).
4. Федеральный закон от 04.08.2026 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040021> (дата обращения: 03.09.2026).
5. Приказ ФСБ России от 27.12.2011 № 795 «Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи» (с изм.). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&&nd=102155745&page=1&rdk=0 (дата обращения: 03.09.2026).
6. Приказ Минцифры России от 17.02.2026 № 98 «Об утверждении Административного регламента... «Аккредитация удостоверяющих центров»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202604170016> (дата обращения: 03.09.2026).
7. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. О создании Удостоверяющего центра ГАС «Правосудие». URL: <https://cdep.ru/index.php?id=59&item=3412> (дата обращения: 03.09.2026).
8. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Итоги развития электронного правосудия и инфраструктуры ГАС «Правосудие». URL: <https://cdep.ru/index.php?id=59&item=5271> (дата обращения: 03.09.2026).
9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде...». URL: <https://cdep.ru/index.php?id=301&item=3658> (дата обращения: 03.09.2026).
10. Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией...». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240021> (дата обращения: 03.09.2026).
11. Распоряжение Правительства РФ от 12.07.2025 № 1880-п. URL: <http://government.ru/docs/55644/> (дата обращения: 03.09.2026).
12. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 8 (60) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.10.2026. Дата выхода в свет: 21.10.2026.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.